

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

*Дочери
войны*

От автора мирового
бестселлера
«Жена чайного
плантатора»!

«Дочери войны» — это торжество жизни,
человеческого духа и нашей способности
сохранять надежду.

Дайна Джеффрис

Дочери войны

Дайна Джеффрис

Дочери войны

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеффрис Д.

Дочери войны / Д. Джеффрис — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Дочери войны)

ISBN 978-5-389-21364-7

Франция, 1944 год. В старом каменном коттедже на окраине красивой деревни в Дордони три сестры мечтают об окончании войны. Элен, старшая, работает медсестрой в деревенской больнице и делает все возможное, чтобы сохранить их маленькую семью в безопасности. Элиза, мятежница, держит кафе, которое служит «почтовым ящиком» для местных партизан, а младшая Флоранс, фантазерка, присматривает за домом, готовит и работает в саду. Однажды ночью Флоранс обнаруживает в сарае молодого немца-дезертира, и сестры решают его спрятать. В ту же ночь деревенский доктор обращается к ним с просьбой дать пристанище англичанину, заброшенному сюда для руководства партизанской борьбой. И сестры оказываются в самой гуще событий. Они должны сделать выбор, который резко изменит их жизнь. А тут еще начинают всплывать семейные тайны, способные разрушить все, что им дорого... «Дочери войны» – это первая часть трилогии о жизни трех сестер в истерзанной войной Франции. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21364-7

© Джеффрис Д., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	44
Глава 13	47
Глава 14	53
Глава 15	57
Глава 16	60
Глава 17	63
Глава 18	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дайна Джеффрис Дочери войны

Dinah Jefferies

DAUGHTERS OF WAR

Copyright © Dinah Jefferies, 2021

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

«Дочери войны» – это торжество жизни, человеческого духа и нашей способности сохранять надежду.

Дайна Джеффрис

«Дочери войны» Дайны Джеффрис – превосходный исторический роман о Второй мировой войне, в котором есть все: тайна, саспенс, история, драма, романтика и потрясающие персонажи.

Amazon.com

* * *

Посвящается моей сестре, сестрам в моей семье и всем сестрам в нашей большой семье

Глава 1

Черный Перигор, Франция Весна 1944 года

Элен

Эх, будь сейчас конец лета, она вдыхала бы аромат еловой хвои, разогретой солнцем, и следила бы за скворцами и зябликами, порхающими между ветвями. Тогда ее оптимизм мог бы одолеть похожее на клаустрофобию чувство, будто жизнь сдавливает тебя со всех сторон, а старинные каменные дома, покрытые лишайниками, берут в кольцо, когда она в ранние сумерки идет по деревне. Возможно, тогда она помнила бы, что все они обыкновенные люди, пытающиеся наилучшим образом приспособиться к невозможным обстоятельствам. Обыкновенные люди, тоскующие по нормальной жизни.

Элен жаждала дневного света, чтобы видеть больше того, что находилось прямо перед ней. Свет был нужен ей, чтобы видеть перспективу, будущее, чтобы заглянуть в свое сердце. Свет был нужен ей как воздух. Но она твердила себе: когда все это закончится, у нее впереди по-прежнему будет целая жизнь. Так зачем беспокоиться о наихудшем, если оно может и не произойти? Наверняка вскоре они получат ободряющие известия о действиях союзников.

Дойдя до конца деревни, она подняла голову к темно-синему небу и услышала доносившееся с деревьев щебетание ранних вечерних птиц. Элен подумала о сестрах, живущих с ней во Франции, и о матери, оставшейся в Англии. Однажды она спросила у матери: «Я такая же красивая, как Элиза?», имея в виду свою сестру. Мать на это ответила: «Дорогая, у тебя спокойное лицо. Людям нравятся спокойные лица. Такое лицо, как у тебя, означает безопасность».

Элен тогда было всего одиннадцать, и материнские слова больно ее задели. Потом она целых полчаса пялилась в зеркало, но так и не поняла, как ей быть со своим лицом. Элен мяла его, тыкала пальцами в щеки, пробовала разные выражения, надувала губы, гримасничала, а после заявила себе, что ей все равно. Но она знала: это ложь. Ей было далеко не все равно. А теперь? Ее лицо повзрослело вместе с ней. Она была высокой, мускулистой, крепко сложенной, пойдя конституцией в отца. От него же она унаследовала прямые светло-каштановые волосы. Обыкновенные волосы. Как ни больно, но мать была права: у нее слишком волевое лицо, а потому красивым его не назовешь, хотя люди восхищались ее добрыми карими, с шоколадным оттенком, глазами и теплой улыбкой. Элен была старшей из трех сестер, наиболее прагматичной и ответственной. Неужели это такое мелочное желание – хотеть услышать от кого-нибудь, что она красивая?

Она часто слышала: война – это битва добра со злом, хотя далеко не всегда было понятно, где добро, а где зло. Нынче ее работа стала гораздо востребованнее, чем ей когда-то думалось. Элен глубоко уважала своего работодателя Уго Маршана, деревенского врача и мэра в одном лице. Она обожала его жену Мари – эту великодушную женщину, всегда видящую в людях только хорошее и служившую сестрам образцом матери. Но Элен приходилось видеть и слышать много такого – лжи, мелких обманов, поступков, о которых она не смела заикнуться, – чего она предпочла бы не знать.

Миновав небольшое поле, поросшее по краям дикими маками, она вошла в рощу ореховых деревьев, стараясь не столкнуться с разгуливающими там гусями. Оттуда дорожка привела ее к воротам их дома. Увидев, что обветшалые дощатые ворота открыты, Элен нахмурилась.

Она и сестры всегда закрывали ворота.

Их запущенный крестьянский дом, казалось, появился из-под земли естественным образом. Его стены из грубо обтесанного известняка весь день вбирали в себя солнечный свет, отчего ранним вечером от них исходило золотисто-медовое свечение. Элен прошла мимо каштана в саду и бросила взгляд на плющ, обвивший фасад. Плющ никто не трогал, и он каскадами окружал входную дверь. Фиолетовые цветки пассифлоры, которые она так любила, появятся позже. По обе стороны от дубовой двери располагались два окна средних размеров. Окна имели ставни, покрашенные в пыльно-голубой цвет. Поднявшийся ветер заставлял их скрипеть и стонать. Элен невольно вздрогнула.

Толкнув дверь, она поспешила на кухню, где бросила сумку на стол. С грубых, неотесанных балок свешивались пучки сохнувших трав: розмарина, лаванды, лаврового листа, мяты, шалфея, чабреца и других. Подняв голову, Элен вдохнула знакомые запахи, после чего разулась. Туфли она оставила на каменном полу, истертом за несколько столетий ногами тех, кто жил здесь прежде. Элен нравилось представлять себе этих людей, хотя темными ночами ей было нетрудно вообразить, как их тени до сих пор собираются в угрюмых углах дома, соседствуя с паутиной. Но большинство людей так или иначе жили в тених, и это касалось не только умерших. Элен снова вздрогнула и посмотрела на массивный камин, окаймленный резным камнем. Даже весной по вечерам в доме бывало холодно. Однако огонь в дровяной плите не горел.

Еще в коридоре Элен показалось, что она слышит голоса на втором этаже.

– Привет! – крикнула она. – Флоранс, это ты?

Ответа не было.

– Элиза, ты дома?

Глава 2

Элен остановилась в нерешительности, оглядываясь по сторонам. Она уже собиралась на всякий случай заглянуть в гостиную, когда заметила Элизу. Та, кряхтя от натуги, спускалась по лестнице с внушительным узлом, откинувшись назад, чтобы уравновесить тяжелую ношу. Одежда сестры, как всегда, состояла из темных широких брюк, выцветшего синего джемпера и коричневых сапог со шнуровкой. У Элизы были темные вьющиеся волосы и большие выразительные глаза коньячного цвета. Точная копия матери. Увидев сестру, Элен облегченно выдохнула.

– А ты сегодня рано вернулась, – сказала Элиза, но, посмотрев на наручные часы, добавила: – Впрочем, не так уж и рано.

– Ты оставила ворота открытыми.

– Не я. Наверное, Флоранс.

– Я напугалась. – (Тяжелый узел не помешал Элизе пожать плечами.) – И что у тебя там?

– Так, всякая всячина для нового укромного местечка. – Элиза склонила голову набок и прищурилась. – А ты знаешь, что у тебя волосы в краске? Прилично измазалась.

– В самом деле? Боже мой!

Элен подошла к зеркалу в прихожей: яркие белые полосы в волосах и маленькое пятно на левой щеке.

Стены прихожей были увешаны картинами, афишами и детскими рисунками сестер, вставленными в рамки. Большое зеркало, в которое сейчас хмуро смотрелась Элен, обрамляла резная рама, богато украшенная гроздьями винограда и вьющейся виноградной лозой. В это зеркало сестры смотрелись большую часть своей жизни. В детстве – сидя на руках у матери, Клодетты; в те дни они улыбались и смеялись, видя собственное отражение. Сейчас – чтобы мельком взглянуть на прическу. К раме была приколотая старая пожелтевшая фотография, запечатлевшая мать с ее сестрой Розали, которая вскоре сбежала из дома. Из всех мест, где довелось жить сестрам, здесь история их семьи, родственные узы и корни ощущались острее всего.

– Как прошел рабочий день? – спросила Элиза.

– Уго попросил покрасить стены в больнице. Этого не делалось много лет, а сейчас, когда там нет пациентов, самое время заняться покраской.

– Что ж, твое разностороннее обучение в больнице Сарла нашло свое применение! Хм... – Элиза почесала затылок, изображая задумчивость. – Когда же это было?

– Это длилось три долгих года, – засмеялась Элен. – Сама знаешь. Кстати, я с удовольствием малярничала. – Элен помолчала и, вспомнив слова сестры, спросила: – Зачем вам понадобилось новое тайное пристанище?

– Немцы становятся все раздраженнее. А раздраженный нацист еще опаснее. Участники Сопrotивления стараются, чтобы хватало мест, где можно спрятаться.

– Лучше бы ты залегла на дно, как мы с Флоранс. Элиза, честное слово, из-за тебя мы все можем оказаться под ударом нацистов.

Сестра не ответила.

Элен посмотрела на нее, но, зная, что Элизу не переупрямишь, оставила эту тему.

– А где наша Флоранс? Надеюсь, она не играет в сорвиголову, как ты.

– Едва ли она на это способна, – отмахнулась Элиза. – Возится в саду. Наверное, поливает грядки... Ой, чуть не забыла. Там, на столе, письмо.

– «Чуть не забыла»? – недоверчиво переспросила Элен, поворачиваясь к столу.

Письма к ним приходили так редко, что она и не подумала взглянуть.

– Оно адресовано тебе.

– Марка швейцарская, – сказала Элен, беря конверт. – Штемпель женеvский.

– Вскрой.

– Дождемся Флоранс. Тогда и почитаем вместе.

Элен знала, что письмо пришло от Клодетты. Получить письмо из Англии можно было лишь в том случае, если мать сначала отправит его своей подруге Ивонне в нейтральную Швейцарию, а та вложит конверт в другой и отошлет сестрам.

Услышав хлопок задней двери, сестры пошли на кухню. У порога стояла Флоранс. Невысокого роста, лицо сердечком, кожа цвета алебастра, темно-серые с голубым оттенком глаза. Подол ее платья был перепачкан землей, золотистые волосы растрепались, а щеки пылали румянцем от физической работы и свежего воздуха, на котором она провела целый день. Флоранс была женственнее сестер и предпочитала носить платья и юбки везде, даже во время работы в саду и на огороде.

Элен помахала письмом.

– О-о, наконец-то! От маман?

– Наверное.

Элен вскрыла конверт и торопливо прочла письмо. Затем растопырила пальцы, позволив листу бумаги упасть на кухонный стол.

– И о чем она пишет? – с интересом спросила Флоранс.

– Почти ни о чем. Прочти сама.

Флоранс взяла письмо. Судя по лицу, содержание несколько ее разочаровало. Закончив читать, она передала письмо Элизе.

– М-да, – хмыкнула Элиза. – Какое захватывающее послание!

– Нечего ехидничать по поводу маман, – сказала ей Флоранс.

Элен вздохнула. Она понимала чувства Элизы. Письмо было кратким. Мать писала, что постоянно занята тем, что оказывает посильную помощь армии. Она вступила в «Женский институт», где занималась преимущественно вязанием и варкой варенья. Мать даже не спрашивала, как живется ее дочерям, ни словом не обмолвилась, как трудно им, должно быть, жить в условиях оккупации. Зато она не забыла пожаловаться на шумных соседей и тяготы жизни в Англии, где продукты по карточкам и сплошные ограничения.

– Она хотя бы нам пишет, – сказала Флоранс.

Элиза повернулась и вышла, сгибаясь под тяжестью своего узла.

Глава 3

С утра на Элен напала задумчивость. Она открыла окно своей комнаты, желая послушать перезвон церковных колоколов. Хвала небесам, что сегодня воскресенье и не надо идти на работу! Элен нравилось созерцать волшебные виды в этой части департамента Дордонь, которую их мать всегда называла Черным Перигором. Это была земля дубов и сосен, каменных ущелий и замков на вершинах скал. Только здесь существовали на редкость красивые деревья. Их дома, построенные из известняка, казались ломтями белого хлеба, намазанными маслом. Элен смотрела, как солнце пробивается сквозь туман раннего утра, чтобы посеребрить ленту реки и позолотить крыши. Здесь царила настоящая весна. Воздух был свежим и прозрачным, как хрусталь.

– Как чудесно мы здесь заживем! Правда, Элен? – спрашивала Флоранс семь лет назад, когда они только поселились в старом летнем доме, унаследованном матерью.

Извилистая дорога соединяла дом с ближайшим городком Сент-Сесиль.

Бедняжке Флоранс тогда было всего пятнадцать, и Элен, вдруг оказавшаяся *in loco parentis*¹, постоянно напоминала себе, что ее младшая сестра еще ребенок.

– И мы побываем в замках и пещерах? – допытывалась простодушная Флоранс.

– Конечно. Обязательно побываем, – отвечала Элен, всеми силами желая сохранить невинные представления младшей сестры о мире.

Внезапная смерть отца Шарля Бодена бесповоротно изменила жизнь каждой из сестер.

В детстве мать часто приезжала в Сент-Сесиль на каникулы. Наведывалась она сюда и в первые годы замужества; в основном летом, когда отец работал дома. Он был наполовину англичанином и наполовину французом. До своей смерти отец служил чиновником в лондонском Форин-офисе. В деревне хорошо помнили прежнюю маман, и потому сестры без труда вошли в деревенское сообщество, хотя находились и те, кто не одобрял решение Клодетты, возмущаясь, как она могла отправить трех дочерей в самостоятельную жизнь.

– Прогуляюсь в кафе, – сообщила Элиза, приоткрыв дверь.

– В воскресенье? – Элен пристально взглянула ей в глаза.

– Всего на несколько минут.

– Не боишься?

– Конечно боюсь. Едва проснусь, и до самой ночи страх постоянно со мной. Те, кто говорит, что им не страшно, врут.

– Элиза, прошу тебя, будь осторожна.

– Беспокоишься по пустякам, как старуха, – засмеялась Элиза.

– Это создает тебе романтический ореол? – спросила Элен. – Будоражит кровь?

– Конечно же нет. Работа в Соппротивлении опасна, а не романтична. Видела бы ты тех людей, тогда бы поняла.

– Прости. Я не хотела тебя...

– Они вынуждены прятаться в ужасных местах, – не дослушав сестру, перебила Элиза. «Ну как она не понимает?» – говорило ее нахмуренное лицо. – Терпеть голод и холод. Помнишь, как мы мерзли зимой?

– Элиза, прошу тебя...

– А когда я разношу оружие, пряча его под картошкой в продуктовой сумке, то рискую больше, чем если бы направляла это оружие на врагов.

– Вот это-то меня и страшит, – вздохнула Элен.

Элиза бесшумно подошла к двери, потом обернулась и сердито посмотрела на сестру.

¹ В положении родителей (*лат.*). – Здесь и далее примеч. перев.

– Я же извинилась, – напомнила ей Элен.

– А люди думают, будто мы бандиты какие-то. Террористы, – бросила она, пропустив слова Элен мимо ушей. – Нет, Элен, тут никакой романтики нет.

Входная дверь шумно захлопнулась. У Элен испортилось настроение. Она терпеть не могла ссор с Элизой и вовсе не собиралась преуменьшать важность того, чем занималась средняя сестра, но раздосадованная Элиза делалась неуправляемой. Элен в растерянности стояла посреди комнаты, как вдруг услышала вопль из комнаты Флоранс. Мирного утра как не бывало! Вздохнув, Элен накинула халат и поспешила младшей сестре на выручку. Флоранс забилась в угол. Ее лицо было бледнее обычного. Окно было открыто, и легкий ветерок теребил шторы из светлого муслина.

– Слышала? – отрешенно спросила Флоранс, поворачиваясь к Элен.

– Извини, но я ничего не слышала.

– По-моему, это была... лесная фея.

Элен едва удержалась, чтобы не выпучить глаза. Некогда ей разбираться с мечтами и фантазиями младшей сестры.

– Флоранс, проснись, – твердо произнесла Элен. – Лесных фей не существует. Здесь летают только стрекозы. Ты услышала шум снаружи и не более того.

– Ты так думаешь? Мне показалось, что я видела ее. Она была в белом платье. Присела в изножье кровати.

– Если бы лесные феи существовали, чего быть никак не может, то обитали бы в пещерах и гротах. – Элен засмеялась, но по-доброму и протянула сестре руку. – Они бы не прилетали и не садились на кровать обычной девушки.

Флоранс на мгновение прищурилась, затем взяла протянутую руку и встала с пола.

– Ты права. Но мне подумалось, что я слышала ее нашептывания.

– Нашептывания? О чем?

– О жутких вещах, – пробормотала Флоранс.

– Тебе всего-навсего приснился сон. Понимаешь?

– Да, – повесив голову, ответила Флоранс. – Прости.

Несколько военных лет заставили младшую сестру повзрослеть, но и сейчас она оставалась хрупкой и восприимчивой, сохраняя наивность, свойственную ей с детства.

– Забудь об этих нашептываниях, – добавила Элен, крепко обняв Флоранс. – Одевайся. Может, напечем блинчиков? У нас еще остались лимоны и мед.

– А ты знаешь, что они создают ветер?

– Кто?

– Как кто? Лесные феи. И они же могут его успокоить... Во всяком случае, я читала об этом.

Как Элен ни подавляла в себе раздражение, оно все же прорвалось.

– Флоранс, ну сколько можно?! Все это досужие сплетни вроде лурдских «чудес». Давай одевайся.

– Куда пошла Элиза? – спросила Флоранс. – Я слышала, как хлопнула дверь.

– Открывать свой чертов «почтовый ящик», куда ж еще? Я так хочу, чтобы она прекратила это делать.

– Она не прекратит. Она верит в то, что делает. Как и ты. Ты веришь в свою работу медсестры. Веришь, правда? – Флоранс взглянула на сестру.

Элен пошла к двери, раздумывая над вопросом. А верит ли она?

– Элен!

Элен обернулась:

– Иногда мне кажется... одна ты у нас веришь в то, что делаешь.

– Моя возня с огородом и приготовление еды – это не те занятия, в которые надо верить. Просто работа, которую я делаю.

– Но ты делаешь то, что любишь.

– Полагаю, что так...

Наконец-то Элен выкроила себе свободных полчаса на чтение. Она читала роман Сомерсета Моэма «Час перед рассветом» и пришла к выводу, что Дора наверняка окажется нацистской шпионкой. Не очень-то успокаивающий вывод. Может, лучше почитать Агату Кристи? Как назло, снаружи послышался голос Флоранс: сестра ее звала. Элен встала, неохотно захлопнув книгу.

Рядом с задним крыльцом расцвела акация. В воздухе носился ее тонкий аромат, похожий на жасминовый. Элен неспешно вдохнула теплый весенний воздух, затем прошла по небольшой террасе, окруженной низкой каменной стеной. Дальше ее путь проходил по каменным ступенькам и извилистой дорожке, проложенной Флоранс, когда сестра только еще занималась устройством сада и огорода.

Раскрасневшаяся Флоранс копалась в нижней части сада, рядом с клумбами розовых и пурпурных орхидей. Руки сжимали лопату. Светлые волосы разметались по плечам и были всклокочены, невзирая на заколки у висков.

– Ну что еще? – спросила Элен. – Я только устроилась почитать.

Флоранс недоуменно поглядела на сестру:

– Там что-то есть.

– Ты вечно выкопаешь какое-нибудь старье.

– На этот раз не старье. Похоже, там что-то зарыто, причем недавно. Я и не собиралась копать глубоко, но наткнулась на рыхлую землю. – В подтверждение своих слов Флоранс легко вонзила лопату в землю.

– Надо же! Неужели могила?

– Боже, только не могила. Меня удивило, почему это место вскопано, и я решила посмотреть, что там. Сверху оно было прикрыто камнями. Когда я их убрала, копать стало совсем легко.

Элен заглянула в яму и увидела край большого металлического ящика или канистры.

– Давай вытащим.

– Я пыталась. Он слишком тяжелый.

– Дай лопату.

Флоранс протянула ей лопату. Элен принялась окапывать землю вокруг ящика, чтобы его было легче подхватить и поднять. Через несколько минут, когда сердце колотилось от затраченных усилий, она выпрямилась и отвела с глаз взмокшие от пота волосы.

– Пожалуй, достаточно.

Вдвоем сестры взялись за ящик, оказавшийся больше и тяжелее, чем они думали. Кое-как им удалось вытащить его и поставить на траву.

– Надо перенести в дом, – сказала Флоранс. – Можешь немного обождать? Я хочу срезать несколько гроздьев акации. Люсиль обещала зайти. Будет чем угостить. Она сделает мне прическу. И клубника уже поспела. Сорт «гаригетт». Я испеку клубничный пирог.

У Элен потекли слюнки, хотя пироги, в которых почти не было пшеничной муки, по вкусу напоминали картон. Флоранс выращивала клубнику и другого сорта – «шарлотта». Та замечательно шла с густыми сливками. Элен смотрела в пространство, представляя себе это лакомство. Густых сливок у них не было.

Люсиль Дюбуа, рыжеволосая подруга Флоранс, вместе с матерью владела небольшой парикмахерской в Сарла. Люсиль и Флоранс были закадычными подругами, однако Сандрин, мать девушки, с самого начала поддерживала режим в Виши и считала коллаборационизм

единственным способом пережить нынешнюю войну. «Поддержка Виши – единственный способ показать, что мы патриоты нашей любимой Франции», – с пафосом повторяла она. Элен и Элиза презирали сторонников Виши, готовых с радостью лизать коллективную немецкую задницу. О том, каких взглядов придерживается Люсиль, Элен не знала. В свои девятнадцать та была хорошенькой и пышной, как ее мать. Розовые губки, белолицая, с несколькими крапинками веснушек на носу и щеках. Возможно, глуповатая и легкомысленная. Люсиль постоянно хихикала и любила посплетничать, но Флоранс ее обожала. Они делали друг другу маникюр, и Люсиль стригла Флоранс.

– Дорогая, из-за дел нашей Элизы Люсиль не сможет к нам прийти! – произнесла Элен тоном, не терпящим возражений.

– Она бы никому ничего не сказала.

– Послушай, почему бы нам с тобой, чем звать ее в гости, не примерить лучше старые шляпы маман?

– Где они? Я их целую вечность не видела.

– Где-то на чердаке.

Флоранс срезала гроздь акации. Внимание сестер вернулось к металлическому ящику. Он был слишком тяжелым, такой не потащишь по ухабистой земле. Зато Элен без труда подняла крышку. Увидев содержимое ящика, она нахмурилась.

– Что там? – спросила Флоранс. – Выглядит как колбаски в обертке.

Элен осторожно развернула ткань, в которую была завернута одна из «колбасок».

– Боже мой! – поморщилась она.

– Никак это пластилин? – удивилась Флоранс. – Какой странный серый цвет.

Помимо «колбасок» в ящике находились какие-то стержни, провода и другие предметы.

– Зачем все это? – допытывалась Флоранс.

– Для взрывов. Это взрывчатка и все необходимое, чтобы привести ее в действие.

Глава 4

Элен вымещала злобу на чесноке и травах, которые измельчала в ступке. Все сестры собрались на кухне, помогая Флоранс готовить жаркое из кролика. Нынче они почти забыли о своих любимых кушаньях вроде cassoulet, noisettes de'agneau или соq au vin. Элиза натирала жилистого кролика горчицей. В таком состоянии он пролежит несколько часов, а завтра Флоранс будет тушить его на медленном огне. Сейчас она чистила картошку.

Покончив с кроликом, Элиза откинулась на спинку стула и положила ноги на стол.

– Элиза, в конце концов! – взорвалась Элен. – Сколько раз тебе повторять? Ты хочешь сломать еще один стул? Между прочим, на столе мы готовим еду.

– Прошу прощения, – пробормотала Элиза, ничуть не устыдившись, но ноги со стола убрала и села прямо.

– Так что? – спросила Элен, поднимая голову от ступки. Ее все еще злило безразличие средней сестры. – Ты продолжаешь поддерживать отношения с Виктором? Полагаю, это он попросил тебя закопать взрывчатку.

– Конечно. Он же спас мне жизнь.

– Ты этого не знаешь.

– Хорошо, он спас меня от ножа, приставленного к моему горлу.

Элен отвела взгляд, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Потянувшись, она сжала руку Элизы:

– И маки снова действуют, невзирая на произошедшее?

– Особенно после того, что произошло.

В здешних краях участников Сопротивления называли маки. Они сражались против немецких оккупантов. Многие гибли. На их действия нацисты отвечали жестокими карательными мерами. Несколько недель подряд на всей территории Дордони зверствовала немецкая дивизия Бремера² и их французские приспешники из Северо-Африканской бригады (САБ). Элен и сестры едва успели обрести хоть какое-то душевное равновесие, оправившись от ужаса тех недель. Военизированных молодчиков из САБ Элен впервые увидела на главной площади Сарла. Хвастливые, красующиеся. Как потом выяснилось, бригаду составили из отпетых уголовников парижского дна. Имелись и выходцы из Марокко, однако большинство родились и выросли во Франции. У них были широкие ремни с настоящими эсэсовскими пряжками, темно-синие береты, темные комбинезоны и полушубки. Вооруженные до зубов, в том числе и пулеметами, они ходили с карманами, полными гранат, которые разбрасывали, словно конфетти. Сущие злодеи, привыкшие насиловать, убивать и издеваться, безучастные к страданиям других. Они арестовывали партизан и простых обывателей, казня по собственному произволу, сжигая дома и усадьбы и забирая себе все, что приглянется. Их ненавидел почти каждый... за исключением коллаборационистов, о чем Элен постоянно себе напоминала. Этих громил из САБ натравили на Дордонь, потому что гестапо и полиция не справлялись с партизанами. Маки взрывали мосты, загромождали туннели, нападали на немецкие отряды и уничтожали склады. САБ и дивизия Бремера были мезью нацистов.

– Я слышала, они вернулись, – с неестественным равнодушием сказала Элиза.

Элен вспомнился день, когда Виктор привел Элизу домой. Ее лицо было расцарапано, а глаза пылали безудержным гневом. Услышав о возвращении маки, Флоранс вздрогнула, зажала уши и затянула: «Ла-ла-ла». Элен выразительно посмотрела на Элизу. «Нужно сменить тему», – говорил ее взгляд.

² Дивизия Бремера (названа по имени командующего генерал-майора Вальтера Бремера) была создана в марте 1944 года в оккупированной Франции для борьбы с партизанами.

Элен надеялась (естественно, в пределах возможного) создать мир, где война не давила бы слишком тяжело на жизнь сестер. Ей более или менее удавалось оберегать их, однако после того страшного дня Элиза больше не желала оставаться в стороне от деятельности Сопrotивления.

– Ладно. – Элиза подняла руки. – Я уберу взрывчатку из сада. А сейчас займемся пончиками из акации. По-моему, масло уже достаточно разогрелось.

Флоранс сразу просияла:

– Называй вкусное блюдо его настоящим именем – *beignets de fleurs d'acacia*³.

Флоранс уже вымыла соцветия и положила в миску, добавила сахар и несколько капель оставшегося арманьяка. Теперь она занималась приготовлением жидкого теста: немного драгоценной муки, яйцо, молоко и вода. В эту смесь Флоранс погрузила цветы. Хорошо прожарив бенье, она посыпала их сахаром, и сестры с удовольствием принялись поглощать пончики.

В их доме всегда царило счастье, хотя по приезде они сражались с сыростью в комнатах, а Флоранс вступила в битву с запущенным садом. Нынче, когда Флоранс изобретала им угощения, эти военные вечера очень много значили. Комендантский час вынуждал сидеть дома, что еще больше сближало сестер и помогало отодвигать страх, господствовавший по всей округе. В первые годы жизни здесь они и понятия не имели, каково это – ждать и молиться, страшаться худшего; каково просыпаться по ночам и лежать без сна, не зная, что принесет утро. И даже после июля 1940 года, когда нацистская Германия вторглась во Францию и страна оказалась разделенной на две части, они еще не так страдали от военного присутствия стран Оси. Так продолжалось, пока в ноябре 1942 года нацисты не оккупировали и пресловутую свободную зону. Вот вам и свобода. Вишистская Франция тоже оказалась под оккупацией, что завершило вторжение немцев и деморализацию страны. Это был сокрушительный удар.

– Мы с Элен хотим примерить шляпы нашей маман, – сказала Флоранс, взглянув на Элизу, которая вытирала с губ хрустящие крошки. – Хочешь присоединиться?

Элен с Элизой отправились на чердак искать шляпы. Флоранс осталась на кухне мыть посуду. Пространство кухни с примыкавшими к ней кладовой и прачечной, со шкафами, покрашенными в голубой цвет, старинным сосновым столом и разномастными стульями было сердцем дома, любимым местом Флоранс.

Из просторной прихожей на первом этаже широкая лестница вела наверх. Гостиная тоже находилась внизу. Мать настаивала, что это помещение нужно называть именно так, хотя сестры обычно называли его просто общей комнатой. Там стояло пианино. Элен редко садилась за изрядно расстроенный инструмент. Местный настройщик ушел на войну еще в тридцать девятом. С общей комнатой соседствовала другая, поменьше. В ней девушки занимались шитьем. Была еще одна комната, в прошлом людская, имевшая выход на лестницу для слуг.

Впервые приехав сюда, сестры повесили на окна полосатые бело-голубые шторы, соорудили красивые абажуры и разноцветные диванные подушки. Однако все это убранство не гармонировало между собой. В комнатах сестер классические яркие персидские ковры, купленные матерью много лет назад, скрывали под собой разохшиеся дубовые половицы. Пол в гостиной – она же общая комната – был устлан более спокойными по расцветке обюссонскими коврами с изящным цветочным орнаментом.

Со второго этажа на чердак вела другая лестница. Но прежде чем подняться на пыльный чердак и заняться поисками материнских шляп, Элен пришлось освободить ее от разного хлама. Только после этого они с Элизой вступили в пространство чердака. Ко времени их приезда он уже был изрядно забит всевозможным старьем. Сестры лишь иногда заглядывали сюда в поисках старых книг и журналов и не испытывали желания наводить здесь порядок. Поиски шляп решили начать с пары массивных сундуков; не исключено, что шляпы находились там.

³ Бенье с цветками акации (*фр.*).

Подняв крышку первого сундука, Элен увидела множество предметов кухонного обихода, и никакого намека на шляпы. Это ее не обескуражило. Она извлекла из сундука желтый эмалированный кувшин со ржавчиной по краям, набор полосатых желто-синих чашек, из каких пьют кофе с молоком, две старинные тарелки под колбасу, набор из шести голубых эмалированных коробок под специи, типично французскую масленку и несколько керамических предметов ручной работы. Последним Элен вытащила фарфоровый ночной горшок, по краям которого тянулись розовые цветочки.

– Розы. Какая прелесть! Жаль, что их аромат не может заглушить запах.

Сестры засмеялись.

– Смотри-ка... – Элиза наклонилась над сундуком. – Тут еще полно разных медных штук.

Она подала Элен медный кофейник, старинную кофеварку, большую кастрюлю для варенья и чайник.

– Флоранс будет в восторге, когда отчистит эти сокровища.

– Флоранс обожает любую старину, – усмехнулась Элен, продолжая рассматривать содержимое сундука.

Но, по правде говоря, она очень ценила работу Флоранс в саду и на кухне. Большинство того, что они ели, было выращено руками младшей сестры. Она же готовила им завтраки, обеды и ужины, варила потрясающее клубничное варенье и душистое мыло. Мясо, макароны, сахар и хлеб отпускались строго по карточкам, но пока нацисты не реквизируют их припасы и не знали о существовании таковых, сестры питались довольно сносно. Семенной картофель Флоранс прятала в прачечной под бочкой с водой. Вне дома у нее были устроены тайники для яиц и других ценных продуктов. Это считалось преступлением, за которое ее могли арестовать. Мужчины получали талоны на сигареты и по четыре литра вина в месяц, зато шоколад ценился на вес золота. Элен отдала бы что угодно за плитку шоколада. Сливочное масло было трудно достать, но Флоранс делала свое, из козьего молока, довольно жидкое, зато без примесей. Она варила и домашний сыр, а из выращиваемых трав делала лекарства, за что сестры любовно называли ее маленькой ведьмой.

Элиза достала из сундука старинную миску и керамический кувшин для вина.

– А это пригодится мне в кафе.

– Ты его снова открываешь?! – воскликнула Элен. – Я и не знала. Тебе не кажется, что это безумие?

– Безумием было бы не открыться, – ответила Элиза, выдержав взгляд сестры, и быстро сменила щекотливую тему. – Давай сложим все это в корзины. Я сбегу вниз.

С нарастающим беспокойством Элен смотрела, как Элиза пробирается к двери, и молилась, чтобы сестра сошла с опасной дороги или хотя бы занималась только кафе и больше ничем. Желая отвлечься, Элен выдвинула верхний ящик старого комода. Внутри лежали аккуратно сложенные ветхие простыни, синее шерстяное одеяло и не менее ветхие полотенца. Второй ящик был заполнен таким же тряпьем, зато в третьем она обнаружила что-то красное и блестящее, завернутое в выцветшую упаковочную бумагу. Осторожно ее развернув, Элен даже присвистнула, увидев малиново-красное шелковое платье. Она провела пальцами по материи, затем подняла платье и приложила к себе. И тут же его подол распался на десятки колышущихся лоскутов. Низ платья был варварски искромсан.

– Боже милостивый, где ты это откопала? – спросила вернувшаяся Элиза, просунув голову в дверь.

Держа платье на весу, Элен молча указала на комод.

– Видишь, в каком оно состоянии? Все изрезано. Прикинь-ка на себя, – предложила она сестре.

Элиза взяла платье и приложила к себе.

- Мой размер, – улыбнулась она.
- Да.
- Давай сложим находки в корзины, отнесем вниз и покажем Флоранс.
- Мы еще не нашли шляп, – напомнила Элиза.
- Как-нибудь потом. Платье я тоже отнесу вниз...
- Элен умолкла и замерла.
- Элен, что с тобой? – насторожилась Элиза.
- Элен стояла неподвижно и глядела в пространство, ошеломленная и растерянная.
- Элен!
- Элен моргнула.
- Я...
- Что случилось? Ты изменилась в лице.
- Мне вдруг стало страшно.
- Почему?
- Сама не знаю. На меня что-то нахлынуло.
- Откуда?
- Из далекого прошлого. Я была одна, в темноте. Кажется, я уже видела это платье.
- Здесь, во Франции?
- Не знаю.

Глава 5

Флоранс

Два дня подряд погода была на удивление ясной и теплой. Флоранс решила вскопать участок земли, где до сих пор властвовали кусты ежевики. Она любила сад, особенно в преддверии лета. Через несколько месяцев плодовые деревья принесут обильный урожай: яблоки, груши, фиги и сливы. Конечно, все это изобилие нужно будет разложить по банкам, законсервировать и спрятать от немецких патрулей, рыскавших в поисках еды. Закрыв дверь, Флоранс срезала ветку жимолости, заполонившей заднюю стену дома. Ничто так не пробуждало ощущение лета, как пьянящий аромат жимолости. Скоро вся стена будет усеяна золотистыми цветками.

Сопровождаемая чириканьем домового воробья, Флоранс двинулась по тропинке, затем спустилась по крутому склону, ведущему к каменистому участку в нижней части сада. Эта часть не просматривалась из дома и пока оставалась в запустении. При необходимости землю здесь можно вскопать и засадить овощами. Нацисты никак не заметят ее нижнего огорода и не отберут урожай. Над головой распевали скворцы. Ветерок шелестел в высокой траве. Флоранс полной грудью вдохнула потрясающий свежий воздух и ощутила прилив сил. Над головой промчался канюк, спеша на призывный свист другого. Над красными дикими маками порхали коричневые и белые бабочки. Тут же рос перечник с красивыми темно-сиреневыми цветками и кустики лаванды, цветки которой были помельче, зато обладали более сильным ароматом. Ничто не приносило Флоранс столько счастья, как время, когда окрестные луга покроются лавандой и вереском.

Она благодарила судьбу за то, что жива, что может любоваться бабочками и замирать, ощущая истинную душу этого места, не затронутого войной. Ей не хотелось уезжать отсюда. Конечно, она устала от войны, как и все, но она умела наслаждаться каждым мгновением покоя и безмятежности, как сейчас. Флоранс раскинула руки и закружилась. Ну и пусть сестры считают ее взбалмошной. Зачарованная звуками призрачного оркестра, она танцевала, воображая себя Титанией в светлом развевающемся платье. Ее окружали Душистый Горошек, Паутинка, Мотылек и Горчичное Зерно. «Сон в летнюю ночь» был ее любимой шекспировской пьесой, а королева фей и эльфов – любимым персонажем.

Но Флоранс не настолько витала в облаках. Проведя в мире грез лишь несколько минут, она натянула самые прочные садовые рукавицы и принялась выдергивать ежевику, попутно удаляя камни. Вскоре ей стало нестерпимо жарко. Убедившись, что рядом никого нет, она сняла блузку, а затем разделась до нижней юбки.

Расправившись с ежевикой и убрав большинство камней, Флоранс принялась копать. Вскопав не более метра будущей грядки, она услышала чье-то покашливание. Резко выпрямившись, она застыла на месте: перед ней был молодой, коротко стриженный блондин. Он следил за ней, стоя на тропе, что проходила рядом с этой частью сада. У ног блондина лежал рюкзак, возле которого прыгал черный дрозд. До войны здесь ходили местные охотники, высматривая оленей и диких кабанов. Нынче их высокими обзорными площадками иногда пользовались партизаны, устраивая там свои наблюдательные пункты. Судя по безупречно чистой одежде незнакомца, Флоранс заключила, что он не охотник и не партизан. Солнце нещадно припекало ей затылок. Флоранс подхватила блузку и юбку, беспечно брошенные поодаль, затем собрала разметавшиеся волосы и завязала их в конский хвост.

Пока она одевалась, незнакомец отвернулся, не желая ее смущать.

Когда же она привела себя в надлежащий вид, он улыбнулся и протянул ей бутылку:

– Это лимонад. Угощайтесь. – (Флоранс оторопело смотрела на него.) – Я не кусаюсь. У блондина оказались красивые синие глаза – цвета летнего неба.

Увидев, что она не отвечает, он попятился:

– Ради бога, простите меня! Я вам помешал. Вы так потрясающе выглядели.

Он прекрасно говорил по-французски, но Флоранс уловила акцент и нахмурилась:

– Вы немец?

– Боюсь, что так, – глотнув воздуха, ответил он.

– Ваш французский...

– Знаю, – перебил он. – Я переводчик. Хорошо говорить по-французски – в моих интересах. Моя любовь к языку – единственный фактор, оберегающий меня от передовой. – Он огляделся. – Это ваш сад?

Флоранс мешкала с ответом. Разумно ли с ее стороны вступать с ним в разговор? Вдруг он собирает сведения или что-то в этом роде? Но выражение его глаз было искренним. Ну чем ей может повредить разговор с ним?

– Мы с сестрами здесь живем, – наконец ответила она. – Я занимаюсь садом. Спасибо за предложение. Я с удовольствием выпью лимонада.

Немец протянул ей бутылку. Они уселись на ствол поваленного дерева. Флоранс сделала несколько жадных глотков, затем вернула ему бутылку.

– По-моему, пахнет лимонной вербеной. – Немец принялся.

– Да. – Флоранс указала на желтовато-зеленые листья вербены, росшей в нескольких футах от них. – Вы умеете различать растения?

– Я заядлый садовник. Это у нас семейное. Кстати, я бы мог вам помочь, – кивнув на лопату, предложил он. – У вас найдется вторая?

– В самом деле? Второй лопаты нет, но есть перекопочные вилы.

– Отлично. Вместе мы тут камня на камне не оставим.

– Надеюсь, не в буквальном смысле, – засмеялась Флоранс.

Она сбегала в сарай и вскоре вернулась с перекопочными вилами.

Блондин снял куртку, засучил рукава. Они вдвоем принялись за работу. Флоранс пыталась разобраться в своих ощущениях. Невесть откуда здесь появился незнакомец, причем немец. Он предложил помочь, и она согласилась. Окружающие подумали бы, что она спятила. Продолжая копать, Флоранс украдкой посмотрела на его чистые руки с длинными красивыми пальцами и аккуратно подстриженными ногтями. Никак не скажешь, что такие руки привыкли к физическому труду.

– Что-то не так? – спросил немец, заметив ее взгляд.

– Я пытаюсь понять, не собираетесь ли вы меня убить, а потом лопатой разрезать на мелкие кусочки.

– Как вы догадались? – засмеялся он.

– Давайте закончим вскапывание, – тряхнула головой Флоранс.

Час прошел в сосредоточенной работе и вполне дружелюбном молчании.

Потом раскрасневшийся немец распрямил спину и, медленно дыша, стал растирать плечевые мышцы.

– Давайте посидим в тени, – предложил он.

– Давайте. У вас не найдется еще лимонада?

Пусть ей с сестрами сейчас недоступны все прежние радости жизни, но не стоит упускать шанс угоститься настоящим лимонадом.

Немец порылся в рюкзаке и достал вторую бутылку.

– У меня и бутерброды есть, – сообщил он.

– Какой вы предусмотрительный.

– Я люблю бродить на природе. Сейчас у меня выдалось несколько свободных дней.

– Мне повезло. Может, пойдем в лес? Там гораздо прохладнее.

Они двинулись по траве, пятнистой от солнечного света, что пробивался сквозь деревья. Обходя кустики барвинка и ветреницы, они достигли любимого места Флоранс, где она обожала устраивать пикники. Эту полянку сестры обнаружили вскоре после приезда сюда и соорудили там неказистый стол и такую же скамейку. Даже в самый жаркий день здесь всегда было прохладно, что добавляло очарования этому месту.

– Тут красиво в любое время года, – сказала Флоранс, – но мне особенно нравится приходить сюда осенью. Куда ни глянь – среди травы розовеют цикламены.

Он улыбнулся, оглянулся на деревья и, услышав что-то, приложил палец к губам.

– По-моему, там косуля. – Он достал из рюкзака пакет с бутербродами. – Я высматриваю верверу. Говорят, их здесь видели, но мне пока не посчастливилось. Полным-полно лис, барсуков и кроликов. Есть ласки и горностаи.

Флоранс испытывала тягу к лесному зверью. Иногда она даже воображала, будто в ее жилах течет их необузданная энергия. В детстве, когда они жили в Ричмонде, она пыталась спасти покалеченную лису, но та умерла, и горю Флоранс не было предела.

– А вы ловите рыбу в реке? – спросил немец, прерывая ее мысли.

– Да, хотя у меня плохо получается. Моей сестре больше везет.

Немец наклонил голову и посмотрел на нее:

– А я люблю ловить рыбу.

Рот Флоранс был набит довольно вкусным сырным багетом.

– Кстати, вы из какой части Германии? – спросила она, продолжая жевать. – Вы живете где-то на природе?

– Нет, мы живем в Мюнхене, но мое любимое место в Германии – замок Лихтенштайн в Баден-Вюртемберге. Его называют сказочным вюртембергским замком. Замок выстроен на скале, с видом на долину реки Эхац.

– Должно быть, вы романтик, – улыбнулась Флоранс.

Он наклонил голову. «Возможно», – говорил его жест.

– Какие еще красоты есть в Германии? Я там никогда не была. Боюсь, большинство французов считают ее очень угрюмой и мрачной страной.

Его глаза погрузнели.

– Понимаю, – тихо произнес он.

– Неужели понимаете?

– Думаю, да. Но не каждый немец – нацист.

Флоранс задумалась над услышанным. Конечно же, не все немцы являются фашистами. Должны быть и те, кто не согласен с захватнической политикой Гитлера.

– А почему вы другой? В смысле, не нацист?

Немец взглянул на небо, словно в поисках ответа.

– Высматриваете воздушные замки? – спросила Флоранс. – Или не хотите отвечать?

Его синие глаза вспыхнули, и она вдруг ощутила симпатию к этому парню. Несмотря на все, что она знала о нацистах, она была уверена: он совсем другой. Мягкий, чувствительный, а главное – любит животных и сады. Ее сестры, конечно же, не одобряют этого знакомства. Она и сама должна себя спросить, правильно ли поступает, но такой человек, как он, не мог быть коварным и жестоким, подобно остальным оккупантам.

– Отвечу вам так: я люблю свою страну ничуть не меньше, чем вы – свою, но не могу оправдывать происходящее.

Флоранс поняла. Должно быть, ему приходится несладко. Она переменяла тему:

– Вы бывали в замке Бенак? Это один из самых известных замков Перигора. Во время Столетней войны он служил оплотом французских войск.

Немец покачал головой.

– Может, вы мне его покажете? – (Флоранс мешкала с ответом.) – Простите, я слишком тороплю события. Но все равно был рад с вами познакомиться. Кстати, меня зовут Антон, – сказал он, протягивая руку и вставая.

– Очень рада встрече с вами. – Флоранс тоже встала и протянула свою.

– А как вас зовут?

– Ой, я забыла представиться. Флоранс Боден.

Антон подхватил рюкзак. Они простились, и он свернул на тропку. «Вот видишь, – мысленно сказала себе Флоранс, идя к дому. – Даже сейчас происходит что-то хорошее».

Глава 6

Элен

Элен возвращалась домой с работы уставшая, сильно проголодавшаяся, мечтавшая вымыться в ванне и провести тихий вечер у огня. Но, подойдя к дому, увидела, что задние ворота распахнуты настежь. В ней вспыхнуло раздражение. Нынче никакая предосторожность не была чрезмерной. Войдя в дом, Элен оглянулась, ища глазами Флоранс. В это время сестра обычно находилась на кухне и готовила ужин. Может, она уже закончила? Заметив рядом с плитой кастрюлю, Элен подняла крышку и понюхала содержимое. Оно было еще теплым и соблазнительно пахло. Элен взяла лежавшую рядом деревянную ложку, зачерпнула и попробовала. Это было фирменное блюдо Флоранс – чечевичный суп с чесноком и особым набором трав, который маленькая ведьма держала в секрете. Сестры обожали этот суп. Элен лишь сняла пробу, едва удержавшись от желания налить целую тарелку. Но сестры условились: по возможности есть всем вместе. Они старались следовать семейным традициям, что помогало среди все возрастающих трудностей сохранять иллюзию нормальной жизни.

Сегодня Элен несколько часов провела за письменным столом Уго, разбирая карточки пациентов. Расправив затекшие плечи, она вышла в коридор, чтобы повесить жакет, потом заглянула в гостиную. Темную старомодную мебель, доставшуюся Клодетте в наследство, Флоранс покрасила в пастельные оттенки синего, зеленого и кремового цветов, включая и французский книжный шкаф XIX века. Здесь же стояло элегантное бюро, которое их мать очень любила. Прежнюю обивку на маленькой *repose-pied*⁴ Флоранс сменила на новую, с цветочным орнаментом. Потолочные балки младшая сестра выкрасила в красно-коричневый цвет. Поначалу Элен противилась этой идее, но затем согласилась, что это добавило им шарма. Гостиная была пуста, а потому Элен снова вышла в прихожую, мельком взглянув на себя в зеркало. Ну и вид у нее! Она хотела пригладить волосы, но в этот момент услышала шепот, доносящийся сверху.

Насторожившись, она взбежала по винтовой лестнице на второй этаж и увидела, что чердачный люк открыт, а Флоранс пытается заслонить собой кого-то, скрючившегося на полу возле ее ног. Чердачная лестница была наполовину опущена.

– Это что за чертовщина? – спросила Элен.

– Лестницу заклинило, – ответила младшая сестра, словно это было главной причиной случившегося.

Кого она решила обмануть?

Элен возмущенно посмотрела на Флоранс:

– Кто у нас на чердаке? Что он там делает?

– Понимаешь... – Флоранс вызывающе надула щеки. – Я нашла его, когда он пытался спрятаться в нашем сарае, и хотела отвести на чердак.

Человек, которого Флоранс загоразивала собой, поднялся, и Элен увидела тощего парня в немецкой солдатской форме, от силы лет семнадцати. Он весь дрожал, голубые глаза были полны ужаса. Щеки покрывали прилипшие комья грязи, короткие светлые волосы стояли торчком.

– Боже милостивый! Никак к нам немецкий солдат пожаловал? – косясь на парня, спросила Элен. – Он вооружен?

⁴ Скамеечка для ног (*фр.*).

– Я проверяла. Нет у него оружия. Его зовут Томас. Он почти не говорит ни по-французски, ни по-английски. По-моему, он в шоке.

– Не верится мне что-то, – заявила Элен, складывая руки на животе.

– Мы должны ему помочь.

– Флоранс, не будь идиоткой! Мы не можем оставить его у себя.

– Мы должны это сделать, иначе его расстреляют. Он сбежал из Тулузы.

На лестнице послышались шаги. Обернувшись, Элен увидела поднимающуюся Элизу. Утром Элиза заплела свои густые каштановые волосы в косу, которую уложила на затылке, но сейчас вокруг лица торчали выбившиеся пряди. При виде незнакомца ее глаза округлились.

– Какого черта немецкий солдат ошивается в нашем доме?! – зашипела Элиза.

Дрожащий парень мгновенно поднял руки, показывая, что сдается. Элен увидела, как у него между ног расплывается мокрое пятно.

«Ну и ну», – подумала она.

– Он сбежал, – пробормотала Флоранс, загораживая парня собой.

– Ты хочешь сказать, он дезертир.

Элиза оттолкнула сестру, чтобы получше рассмотреть незваного гостя.

– Я не хотела называть его этим словом, – выпятила нижнюю губу Флоранс. – Оно плохо звучит.

– Плохо звучит. Дело не только в звучании. Это плохо со всех сторон. И для него, и для нас, – ответила Элиза. – Самое время отдать его маки.

– Нет, – вмешалась Элен, пытаясь говорить со спокойной уверенностью, хотя ее ощущения были далеки от этого. – Мы просто должны сообщить властям.

– Нет! – повернувшись к ней, заявили сестры. – Только через мой труп!

– Только не военной полиции, – мотая головой, добавила Флоранс.

Элен раздраженно вздохнула. Неужели у них всегда так будет? Когда мать впервые предложила дочерям пожить самостоятельно, Элен была в восторге. Это же так здорово! Можно делать все, что пожелаешь, в любое время заниматься живописью и есть, когда тебе хочется. Но очень скоро беззаботная жизнь закончилась: ей пришлось поступить медсестрой к деревенскому врачу Уго и одновременно обуздывать сестер. И конечно же, тогда никто не верил, что так скоро начнется новая война.

– Надо передать его партизанам, – гнула свое Элиза.

Флоранс вновь стала дергать заклинившую чердачную лестницу. У нее покраснели щеки.

– Они его убьют, – сказала она, поворачиваясь к сестре.

В ее глазах появились слезы.

Воцарилась напряженная тишина.

– Вот что, – наконец приняв решение, объявила Элен. – Мы разместим его на чердаке. Это единственный гуманный шаг, на какой мы способны.

– Спасибо! – обрадовалась Флоранс и бросилась обнимать Элен.

Элиза возмущенно вскинула руки:

– Ну почему она всегда за нас решает?

– Помолчи, Элиза. Она решает, потому что...

– Только на одну ночь, – вмешалась Элен. – А мы тем временем сообразим, как быть дальше. Флоранс, принеси ему поесть. Мы можем поделиться с ним чечевичным супом? Вид у него совсем оголодавший.

– Значит, теперь мы добровольно кормим проклятых немцев, – пробормотала Элиза. – А откуда мы знаем, что у него нет оружия? Вдруг он шпион?

– Посмотри на него. Он еще совсем подросток. Флоранс проверяла. При нем нет оружия.

– Воняет от него будь здоров.

– Мы же не знаем, сколько дней он сюда добирался и где спал.

– Он действительно оголодал, – добавила Флоранс. – Посмотрите, какие мешки у него под глазами.

Парень испуганно поглядывал на сестер, понимая, что между ними возникли разногласия, но не разбирая торопливую французскую речь.

И как назло, снаружи донесся шум подъехавшей машины. Сестры беспокойно переглянулись. Скоро начнется комендантский час, и новые незваные гости не предвещали ничего хорошего.

– Надо везде погасить свет, – прошептала Флоранс.

– Поздно. Затаскивай его на чердак, а я спущусь вниз.

Флоранс опять заговорила, но Элен приложила палец к губам и пошла к лестнице.

Кухонные ставни были закрыты, но маленький лучик света все равно пробивался наружу. Его могло скрыть только полнолуние. Разве сейчас полнолуние? Элен сомневалась. Какое-то время снаружи было тихо, затем раздались шаги на мощеной дорожке, ведущей к задней двери. «Их несколько», – подумала Элен. Может, немецкие солдаты приехали за дезертиром? Или случилось нечто похуже? Элен стояла возле двери, вслушиваясь в шаги. Боже, только бы опять не это зверье из САБ.

Глава 7

Раздался знакомый стук: два раза, пауза, затем еще три раза. Услышав его, Элен облегченно вздохнула. Значит, кто-то из друзей. Выждав еще несколько минут, она открыла дверь и с удивлением увидела, что жена доктора приехала не одна. Рядом с возбужденной Мари стоял незнакомый мужчина в гражданской одежде. Светловолосый, с усами песочного цвета. Вид у него был довольно хмурый. За плечами незнакомца висел рюкзак.

– По-моему, он из УСО⁵, – сказала Мари, поправляя заколотые в пучок седеющие волосы. Она кивнула появившимся Элизе и Флоранс. – Прости меня, Элен. Я знаю, что ставлю вас под удар, привезя его сюда, но другого выбора у меня не было.

Элен стало дурно, но она все же заставила себя вопросительно посмотреть на Элизу. Сестра прищурилась и едва заметно кивнула. Это означало, что немецкий дезертир уже спрятан на чердаке. «Только бы сидел там тихо», – с надеждой подумала она.

– Специальные операции, – произнес незнакомец.

Элен сосредоточилась на нем. Надо будет порасспросить его об Англии. Ей уже приходилось задавать подобные вопросы, и она поклялась себе больше так не делать. Видно, придется нарушить клятву.

– Значит, британец?

– Англичанин. У вас тоже английский выговор. Но вы не англичанки?

Сестры покачали головами. Ему ответила Флоранс:

– Мы француженки.

Он вскинул брови и присвистнул:

– Значит, юные леди, вы все двуязычные?

– Никакие мы не леди, – возразила Элен.

– Говори за себя, – засмеялась Флоранс.

– Все просто, – включилась в разговор Элиза. – Когда мы жили в Англии, то дома говорили с родителями по-французски, а в школе – по-английски.

– Это бывает полезно.

– Присаживайтесь, – предложила Элен, выдвигая стул.

– С превеликим удовольствием, – улыбнулся англичанин. – А не найдется ли у вас пива?

– Как насчет домашнего вина? – доброжелательно улыбнулась Флоранс, показывая ему открытую бутылку. – Сливовый ликер.

– Что угодно, – обрадовался он. – Главное, чтобы там содержался спирт.

– Мари, вы не присядете? – спросила Элен, обняв гостью за плечи.

Мари покачала головой.

– Я великолепно могу стоять, – ответила она, поцеловав Элен в щеку.

– И что же привело вас сюда? – спросила Элен, глядя на англичанина.

– Пару дней назад меня сбросили на парашюте в эти места. Приземлился неудачно. Мой напарник Билл куда-то пропал. Я попытался его найти, но местность кишит нацистами... – Он передернул плечами. – Всю ночь я провел на дереве, прямо под носом у немецкого поискового отряда. Спускаясь с дерева, не удержался и рухнул вниз. К счастью, поблизости оказалась Мари. Она меня подобрала. Ночь я провел в кабинете доктора.

Элен заметила перевязанную руку.

– Доктора Уго?

– Да. Но рана пустяковая. Так, царапина.

⁵ УСО – Управление специальных операций, британская разведывательная служба времен Второй мировой войны. Действовала с середины 1940-го по начало 1946 г.

– Только эту царапину пришлось зашивать, – добавила Мари.

Слушая англичанина, Элен внимательно наблюдала за ним. Физически крепкий, уравновешенный, держался он легко и непринужденно. У него было открытое честное лицо и такие же честные зеленые глаза. Этот человек никак не мог быть немецким шпионом.

– И все же, спокойствия ради, я должна задать вам несколько вопросов, – сказала Элен. – Из-за чего вспыхнула Семилетняя война?

– Французы воевали с англичанами за право владеть североамериканскими землями.

– И кто победил?

– Разумеется, мы, хотя в данном случае, поскольку вы француженка, я должен был бы сказать, что вы проиграли. Я не ошибся?

– С вашего позволения, вопросы задаю я, – прищурилась Элен. – Назовите мне самое большое озеро в Англии.

– В Англии? – переспросил он, мастерски пародируя лицо испуганного школяра. – Озеро Уиндермир в Лейк-Дистрикт.

Элен задала еще несколько вопросов, на которые он ответил точно и без запинки.

– Откуда вы родом?

– Из Сайренсестера. Графство Глостершир.

– Где учились?

– В Челтнемском колледже.

– На какой улице он находится?

– На Бат-роуд. Это все вопросы? Я выдержал испытание?

– Выдержали, – улыбнулась Элен.

Сестры уже слышали о нескольких разведчиках из УСО, сброшенных на парашюте в их местности, а также к северу и востоку отсюда. Если все, что им довелось услышать, – правда, его вместе с напарниками забросили для подготовки бойцов Сопротивления к непосредственным действиям.

– Как нам вас называть?

– Джек. Можете звать меня Джеком.

Все это время Мари стояла, прислонясь к стене, и с полузакрытыми глазами слушала их разговор. Теперь настал ее черед говорить.

– Элен, дело в том... – Мари помолчала, словно подготавливаясь к продолжению. – Ты могла бы оставить Джека у себя на несколько дней, пока не заживет его рука? Потом его переместят.

Элен почувствовала, как у нее на шее затягивается петля, шумно втянула воздух и принялась медленно выдыхать.

– Так как? – спросила Мари.

Элен молчала. Просто стояла, жевала щеку изнутри и пялилась в пол. Почему Мари обратилась к ней с такой просьбой? Ведь знает, что это невозможно.

– Нет, – подняв глаза, наконец ответила Элен. – Риск слишком велик. Мы не можем. Мари, вы и сами знаете, что не можем.

Элен чувствовала растущее напряжение сестер. Дать пристанище разведчику УСО всегда было делом рискованным. Прежде она неизменно противилась таким просьбам. Но сейчас, когда у них на чердаке прячется немецкий дезертир, это стало абсолютно невозможно. Едва Флоранс заговорила, Элен тут же оборвала младшую сестру и вопросительно посмотрела на Элизу. Та пожала плечами. Элен поняла: решение снова придется принимать ей.

– А Джек не может побыть у вас? – спросила она, не ожидая положительного ответа. – Или на какой-нибудь из конспиративных квартир?

– Поначалу мы так и хотели, но сейчас, когда вокруг полным-полно гестаповцев, перемещать его куда-либо рискованно. В другое время я бы не обратилась к тебе, но кабинет и

клиника находятся слишком на виду. Уго считает, что Джеку сначала нужно залечить рану и только потом перебираться в другое место.

Элен подумала о красивом доме четы Маршан, выстроенном в XVIII веке. Окна дома выходили на главную площадь в средневековой части Сент-Сесиль. Рядом журчал фонтан, а поблизости стояла старинная церковь. Стены докторского особняка были из того же золотистого камня, что и их дом. Оттуда открывался такой же захватывающий вид на реку Дордонь, протекавшую по самому сердцу Черного Перигора. Внутри дома были старинные каминные, потолочные балки и паркетные полы – ровесники особняка. Элен воспринимала его как образец настоящего уютного дома. Как часто в обеденный перерыв они с Мари сидели в огороженном саду, где благоухали розы, потягивали аперитив и говорили о жизни. Но особняк действительно находился в самом центре деревни, и, скорее всего, за ним велось наблюдение.

– Что-нибудь известно о пропавшем напарнике Джека? – спросила Элен.

– Не исключено, что его схватили. Наверное, потому гестаповцы и понаехали сюда.

Чувствовалось, Джек оскорблен подобным ответом.

– Билл ничего не выдаст. Мы с ним уже бывали во Франции. Это наше второе задание.

Элен закрыла глаза и мысленно пожелала: пусть, когда она их откроет снова, немецкий парень испарится с чердака.

Она жестом позвала Элизу с собой. Они вышли в коридор и там встревоженно переглянулись.

– Что за чертовщина? – шепотом спросила Элиза.

– Могу задать тебе такой же вопрос. Что нам делать?

– Придется оставить его у нас.

– Он услышит, что мы постоянно шастаем на чердак. Как нам быть с Томасом?

– Я же предлагала сдать его партизанам. Еще не поздно.

– Элиза, он совсем еще мальчишка.

– Немецкий мальчишка.

– Представь, как кто-то из наших ребят вот так же оказался бы в Германии. Один, не зная, куда идти.

– Но теперь ему никак нельзя оставаться у нас.

– Может, рассказать Джеку правду?

– Ты с ума сошла! – Элиза сердито посмотрела на сестру.

– По-моему, Джек – человек порядочный, – сказала Элен, чувствуя, как краснеет.

– Элен Розмари Боден, я уверена, он тебе приглянулся.

– Не говори глупостей.

– Ну и куда же мы поместим этого порядочного человека?

– Пока в твою комнату. Она в задней части дома.

– Но почему в мою? – нахмурилась Элиза.

– Ты и сама знаешь почему. Из твоей комнаты есть выход на другую лестницу. Там ему будет меньше слышно, как мы ходим на чердак по главной.

– А я где буду спать?

– Идем ко мне.

– Спать с тобой в одной постели? Нет уж, уволь! Ты храпишь и вертишься. А мне нужно выспаться как следует. – Элиза надула губы, демонстрируя свое недовольство.

– Будет тебе выдумывать, – засмеялась Элен. – Поставим раскладушку.

– Спасибо, дорогая. – Элиза угрюмо вздохнула.

Они вернулись на кухню.

– Ну что же, – сказала Элен, ловя на себе пристальный взгляд Джека. – Джек сможет провести у нас пару дней.

– Благодарю вас, мэ. – Он подмигнул ей.

- Мне пора возвращаться к Уго, – сказала Мари.
- Расцеловав сестер в щечки, она пошла к двери.
- Будьте осторожны, – хором напутствовали ее сестры.
- И вы тоже, *mes cherries*⁶, – ответила Мари, скрываясь за дверью.

⁶ Мои дорогие (*фр.*).

Глава 8

Флоранс

Когда все поднялись наверх, Флоранс осталась внизу, зная, что не заснет. Да и можно ли уснуть, если в голове мчатся мысли? Ее беспокоило присутствие в доме двоих незнакомцев. Разыгравшееся воображение начнет рисовать ей картины одна страшнее другой, что обеспечит стойкую бессонницу, поскольку ее комната не имела замка. Ее всегда называли слишком легковозбудимой и импульсивной. Флоранс с этим не соглашалась. Пусть иногда она и бывала задумчивее сестер, но, по ее мнению, Элиза была такой же импульсивной, пусть и по-своему. Однако Джек показался ей внушающим доверие. И хотя чердачный люк обычно оставался просто закрытым, сегодня его с наружной стороны дополнительно заперли на задвижку. Так что при всем желании Томасу с чердака не выбраться. Эта мысль успокаивала Флоранс.

Она достала одну из старых потрепанных кулинарных книг матери. Обычно ей не требовались подсказки; рецепты любимых блюд она помнила наизусть, а с началом войны изобрела и собственные. Однако сейчас не могла решить, что лучше испечь.

Флоранс листала страницы, глотая слюнки от вида деликатесов, предлагаемых книгой: *baba au rum*, *gâteau Basque*, *petit fours*⁷. Увы, для большинства этих вкусняшек требовалась остродефицитная мука. Пролистав книгу дальше, она наткнулась на рецепт перигорского кекса с грецкими орехами. Флоранс повязала фартук, проверила, есть ли у нее все необходимое, и удивилась: почему она раньше не додумалась испечь такой кекс?

Грецкие орехи в их краях росли повсюду, масло она делала из козьего молока, куры исправно неслись. Вот только сахара у нее в обрез. Правда, в банке оставалось немного меда, полученного Элен в знак благодарности от одного деревенского старика. Старшая сестра часто получала за свою работу съедобные подарки: фрукты, сыр, утиные яйца, а иногда даже кролика или фазана. Флоранс достала все необходимое и принялась за работу. Первым делом она смолола грецкие орехи до состояния хлебных крошек. Она уже представляла соблазнительный аромат свежее испеченного кекса. То-то сестры обрадуются, увидев его утром. Эта мысль согрела Флоранс.

Конечно, она поступила опрометчиво, приведя в дом этого немецкого солдатика, но разве она могла оставить его в амбаре умирать с голоду или, хуже того, вообще прогнать? Он ведь совсем молоденький, даже моложе ее. Флоранс всегда спасала от кошачьих когтей мышей, мелких зверюшек и птичек. Конечно, ее сегодняшний поступок не означал, что сама она не испытывала страха. Мысли переместились на другого немца – Антона, с которым она познакомилась, когда вскапывала новый участок в саду. Флоранс была вынуждена себе признаться, что он ей понравился.

Так это или нет, вряд ли она увидит его снова. Флоранс переключила внимание на кекс. В отдельной миске она взбила мед с маслом, после чего добавила смесь в измельченные орехи. Затем разбила несколько яиц, отделив белки от желтков и добавив последние в смесь. Белки она взбила до плотной консистенции и тоже добавила к общей смеси. Наконец, переложив все в форму для выпечки, Флоранс поставила будущий кекс в духовку и уселась ждать.

Кухонную книжную полку занимали в основном кулинарные книги матери. Они стояли вразнобой, словно покосившаяся цепочка костяшек домино. Среди них Флоранс заметила книгу сказок братьев Гримм. Книга явно была не на месте. Но нынче все сдвинулось: правила,

⁷ Ромовая баба, баскский кекс, птифуры (*фр.*).

люди, жизни. Порою она ощущала, что и сама куда-то сместилась, как будто прежнее тело стало ей тесно.

Ее завораживали мрачные, пугающие произведения этих сказочников. Флоранс потянулась за книжкой. В сказках братьев Гримм странным образом уживалось страшное и комичное, но ее привлекала психологическая подоплека. Найдя сказку о Рапунцель, Флоранс стала читать о несчастной девочке, проданной своими ужасными родителями. Злобная колдунья купила Рапунцель за несколько пучков салата – это растение тоже называлось рапунцель. Пленницу посадили в высокую башню, имевшую лишь окно. Ведьма взбиралась туда по длинным золотистым волосам Рапунцель. В детстве Флоранс сочувствовала слабым, бедным и обездоленным, но эта сказка всегда вызывала у нее недоумение неукротимой тягой матери Рапунцель к вожделенному лакомству. Такое всепоглощающее желание пугало Флоранс. Ведь мать Рапунцель была соучастницей пленения своей дочери.

Кухня освещалась тусклой электрической лампочкой. Флоранс закрыла книгу. Практичные сестры смеялись над ее сохранявшейся любовью к таким историям, но сказки дарили ей надежду. Элиза и Элен считали, что их младшая сестра беззаботно плывет по жизни, ожидая, что при любых обстоятельствах все будет прекрасно. Такое отношение сердило Флоранс. Она же не дуручка. Она знала о жестокостях оккупации, о хладнокровном садизме гестаповцев и войск СС, об их ненависти к евреям и о трагедиях, случавшихся каждый день. Но что она могла с этим сделать? У нее не было смелости Элизы, она не занималась важным делом, как Элен. Вместо этого Флоранс вкладывала душу и сердце в поддержание домашнего уюта, старалась, чтобы сестры всегда были сыты, и как могла поднимала им настроение.

С раннего возраста сказки помогали Флоранс справляться с чувствами, слишком сильными и будоражащими: стыдом, гневом и ревностью. И еще с одним чувством, которое она не могла даже назвать. Стоило ей подумать об их прежней жизни в Ричмонде, в мозгу начинали кружиться воспоминания. Ей было не удержать ни одно из них; при малейшей попытке воспоминания ускользали. Она старалась докопаться до правды, перед ней мелькали картины из прошлого, однако мысли тут же обволакивали и искривляли их. Кончалось тем, что она вздыхала, позволяя всему уноситься прочь.

Флоранс взглянула на книгу, которую все еще держала в руках. Самые страшные сказки были и самыми интересными, поскольку даже в них судьба обычно делала поворот и все заканчивалось благополучно. Добро и зло были четко отделены друг от друга; их границы переставали быть размытыми, обретая четкость. Ты примыкал либо к одной стороне, либо к другой, но никогда к обеим сразу. Не то что в нынешней жизни.

Флоранс поставила книгу на полку, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Ее одолевал сон. Захотелось пойти и лечь в кровать, но по кухне расплывался аромат пекущегося кекса. Она вскочила, боясь, как бы он не подгорел, надела защитную рукавицу, открыла духовку и вытащила противень. Флоранс поднесла кекс к свету. Выглядел он потрясающе. Правда, чуть подгорел с краев, но это не страшно. Выждав немного, она осторожно переложила кекс на сетчатый поднос. Пусть остывает. Уф! Как вовремя она вытащила кекс из духовки. Флоранс оставила лакомство на столе, выключила свет и пошла наверх.

Глава 9

Элиза

Ночью Элиза почти не сомкнула глаз. Обычно она спала очень чутко. А тут попробуй заснуть на неудобной раскладушке, когда рядом Элен храпит, как полковая лошадь. Была и более серьезная причина, мешавшая Элизе погрузиться в глубокий сон, – двое беглецов, попавших в их дом. Конечно, дом стоял в уединенном месте, на достаточном расстоянии от деревни, и тем не менее... Решив одеться на кухне, она подхватила одежду и спустилась вниз.

Пару лет назад Виолетта Куртуа, портниха и лучшая подруга Элен, сделала ей и Элизе выкройки, позволявшие перешивать мужскую одежду, обнаруженную сестрами по приезду в этот дом. Обычно они с Элен носили удобные брюки, сшитые своими руками. Сегодняшняя одежда Элизы состояла из непритязательных темно-синих брюк и голубой рубашки.

В кухне ее внимание привлек вкусно пахнущий кекс. Он стоял на середине стола, появившись словно по волшебству. «Наша маленькая ведьма, поди, полночи возилась с ним», – подумала Элиза. Повесив одежду на спинку стула, она отрезала себе кусок кекса, намереваясь позавтракать на ходу.

Одевшись и завязав волосы, Элиза взяла в коридоре узел с несколькими одеялами и вскоре покинула дом. Может, Виктор уже в кафе? Сегодня они втроем должны обсудить пригодность новой конспиративной квартиры. Такие квартиры были рассеяны по всему Перигору – в старых заброшенных амбарах, пустующих крестьянских домах и даже в хижинах и сараях. В редких случаях – в деревнях, прямо под носом у нацистов. Как никогда, Элизе сейчас требовалась помощь Виктора. Только он подскажет, как быть с Томасом.

Выйдя из дому, Элиза прошла по грунтовой дороге, миновала рощу, где росли грецкие орехи. Дальнейший ее путь пролегал вдоль поля, усеянного дикими маками. Жуя кекс, она думала о событиях вчерашнего вечера, о появлении немецкого дезертира и английского разведчика Джека. Парень беспокоил ее сильнее всего. Джек – тот в состоянии сам о себе позаботиться; пусть только доктор Уго снимет швы. И все же Мари рисковала, привезя англичанина к ним в дом.

Элизе вспомнился первый визит Мари, когда они только что приехали в Сент-Сесиль. Открыв дверь, они увидели невысокую, слегка полноватую энергичную женщину. Ее волосы, уже тогда начавшие седесть у лба и висков, были наспех закручены в узел. Словом, она выглядела именно так, как и должна выглядеть жена деревенского врача. Она вплыла на кухню в светло-зеленом хлопчатом платье с белым орнаментом. На руке у нее покачивалась корзина.

– Вот, решила немного вам помочь, – объявила она, опуская корзину на стол. – Меня зовут Мари Маршан. Я жена доктора Уго.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответила Элен. – Но...

– Никаких «но», – улыбнувшись, перебила ее Мари. – Принесла вам кое-что из съестных припасов. Я слышала, что ваша матушка пробудет здесь не больше двух недель.

Все сестры находились в это время на кухне. Туда вошла и Клодетта, как всегда элегантная, но глаза ее были холодны, как куски мрамора. Элиза видела, как мать слегка поклонилась Мари, оценила обстановку и тут же отвернулась.

Мари, наоборот, тепло приветствовала ее:

– Клодетта, рада вас видеть.

– Вы очень щедры, мадам Маршан, – Клодетта искоса посмотрела на нее, – но мои девочки не нуждаются в вашей благотворительности.

– Будет вам, – нахмурилась Мари. – Никакая это не благотворительность. Просто решила по-соседски принести немного домашних консервов. Лишними не будут, особенно после вашего отъезда.

Флоранс уже заглянула в корзину и начала с восторгом доставать банки.

– Маман, ты только посмотри! Foie Gras⁸, желе из чернослива, консервированные яблоки с корицей и сливы, цельные сливы.

Обнаружив картонную коробку, Флоранс подняла крышку.

– Нет, chérie⁹, мы никак не можем это принять, – изрекла Клодетта, встав со скрещенными на груди руками.

Флоранс умоляюще посмотрела на мать:

– Но, маман, там корзиночки с клубникой и ванильным кремом. Ты же знаешь, как я их люблю.

– Нет, Флоранс, – еще суровее произнесла Клодетта.

– Замечательно, мадам Маршан, – сказала Флоранс, игнорируя мать. – Вы еще и шоколадный кекс принесли. Научите меня его готовить?

– Непременно научу, – засмеялась Мари.

Клодетта шумно вдохнула и смирилась.

– Может, только на первый раз, он же последний. Девочки, я оставляю вам мои кулинарные книги, и вы прекрасно сможете готовить без посторонней помощи. Надеюсь, это вам понятно.

Материнская неблагодарность настолько ошеломила и рассердила Элизу, что она пожала Мари руку и сказала:

– Мадам, мы вам очень признательны за вашу доброту. Большое спасибо.

Все это время Клодетта держалась крайне холодно, а как только Мари Маршан ушла, сердито посмотрела на Элизу и молча удалилась наверх.

Элиза ожидала, что все закончится хуже.

Пока они росли, самые злые и язвительные нападки Клодетты доставались Элизе – дочери, больше всех похожей на нее. Становясь старше, Элиза делалась все более непокорной, не лезла за словом в карман, убегала из дому и пропадала по несколько часов. Клодетта даже не замечала ее отсутствия. Такая форма протеста не давала желаемых результатов. Элиза надеялась, что мать хотя бы взорвется и устроит ей сцену. Наткнувшись на материнское равнодушие, она решила дальше вести себя так, как заблагорассудится, не опасаясь последствий, поскольку мать ограничивалась лишь занудными тирадами.

Вопреки утверждениям Клодетты Элиза помнила, как остро они нуждались в помощи Мари, когда мать вернулась в Англию. Мари показывала им, где покупать качественные продукты по умеренным ценам. Рассказывала, кто из крестьян выращивает лучшие овощи, пока Флоранс не развела свой огород. Мари познакомила их с местными жителями, похлопотала о привозе дров и угля. Она уже убедила Уго послать Элен учиться, чтобы затем та смогла помогать ему в качестве медсестры. Мать слишком рано отправила их в самостоятельную жизнь. Элизе тогда было всего семнадцать, Флоранс – на два года меньше. Элен в свои двадцать два пришлось взять на себя слишком много забот.

Без Мари их жизнь складывалась бы гораздо тяжелее. Элиза до сих пор злилась на мать за столь гадкое обращение с этой доброй женщиной. Проходя мимо, она взглянула на дом врача. В этот ранний час ставни на окнах еще оставались закрытыми. Элиза передернула плечами, поймав себя на том, что подспудно продолжает сердиться на мать. Зачем? Они давно уже живут

⁸ Фуа-гра (паштет из гусиной печени) (фр.).

⁹ Дорогая (фр.).

самостоятельно, и ей сейчас хватает других хлопот. Пройдя еще немного, Элиза подошла к кафе, открыла дверь и проскользнула внутрь, где ее уже ждал Виктор.

Глава 10

Элен

Поднявшись на чердак, Элен увидела, что Томас спит. Она оставила ему кружку воды и кусок кекса. Можно было бы обойтись и хлебом, но она решила не скаредничать. Нынешний хлеб, который пекли из кукурузной муки и дробленого риса, получался жестким, и его приходилось долго жевать. Почти всю пшеничную муку немцы забирали для снабжения своих войск. Элен посмотрела на спящего Томаса, тихо вздохнула и пожелала, чтобы этот парень поскорее исчез из их дома.

Вернувшись на второй этаж, она постучалась к Джеку, затем открыла дверь. Голый до пояса, англичанин сидел на кровати и смотрел из окна на зеленый островок травы вокруг сараев. У него был красивый профиль с крепким носом и волевым подбородком, под стать мускулистому телу и решительному характеру.

У Элен участилось дыхание, и она закашлялась, чтобы это скрыть. Джек обернулся и почесал голову, отчего его волосы встали торчком. До этого его лицо было весьма суровым и даже где-то печальным, но стоило ему улыбнуться, как оно полностью изменилось. Глаза сделались живыми и теплыми. Похоже, собственный полуголый вид его ничуть не смущал, но, когда Элен наклонила голову, выказывая легкий упрек, он тут же прикрывлся одеялом.

– Извините, – пробормотал он.

– Ничего страшного. Я же медсестра. Насмотрелась всего.

Джек изогнул бровь. Элен улыбнулась.

– А вы сегодня выглядите по-другому, – заметил он.

Волосы Элен были уложены в узел и закреплены на затылке. К тому же она успела надеть берет. Ее рука инстинктивно потянулась к волосам.

– Униформа медсестры, – сказал он.

– Да.

– Ночью я слышал какие-то странные звуки. – Джек поглядел на потолок и провел пятерней по своим непокорным волосам. – Похоже, там водятся крупные крысы. – (Элен отвела глаза.) – Вчера я видел, как вам стало не по себе, когда Мари попросила разрешения оставить меня здесь. Это было написано у вас на лице.

Элен задумалась над услышанным, затем подошла к кровати, поставив на тумбочку воду и тарелку с кексом. Англичанин явно отличался цепким умом. И сейчас, когда она оказалась совсем рядом с ним, в ней что-то шевельнулось. Элен посмотрела на Джека. Так что же она хотела сказать?

– Садитесь, – велел ей Джек.

– К вам на кровать?

– Стула я не вижу. Послушайте, я обещаю не приставать к вам. – Он прикрыл глаза и улыбнулся во весь рот. – Хотя рядом с такой привлекательной женщиной, как вы...

– Вы смеетесь надо мной?

– С чего вы так решили? Я еще не видел таких проникновенных глаз.

Она присела на краешек кровати у изножья.

– Джек, давайте без шуток. Я слишком встревожена, чтобы шутить.

– Конечно, – спохватился Джек. – Еще раз извините. Но почему бы вам прямо не рассказать, что происходит?

Элен медленно вдохнула и, убедившись, что Джек не подтрунивает над ней, заговорила:

– Дело в том... вчера мы нашли... точнее, это Флоранс его нашла.
– Билла? – встрепенулся англичанин. – Вы нашли Билла?
– Нет, – покачала головой Элен. – Простите. Флоранс нашла молодого немецкого дезертира. Он прятался в нашем сарае.

– Боже милостивый! И теперь он обитает у вас на чердаке?
– Да, – поморщилась она. – Выйти оттуда он не может. Оружия при нем нет, но он находится в ужасающем состоянии. Трясется, заикается. Вчера я дала ему сильное снотворное, чтобы не поднимал шума. Меня волнует, как быть с ним дальше.

– Значит, никакие это не крысы. Так я и думал. Если хотите, я с ним поговорю.
– Вы знаете немецкий?
– Более или менее. Но ради вашей же безопасности этого парня нужно как можно скорее удалить из дома.

– Знаю. Я уже пожалела, что согласилась оставить его у нас. Но когда его увидела... Жуткое зрелище. Весь грязный. Оголодавший. Словом... – Она вздохнула. – Нелегко принять правильное решение, когда вокруг сплошная неопределенность. Но если немцы станут его искать и найдут у нас... вы представляете. О последствиях лучше не думать.

Судя по его взгляду, Джек это понимал.

– Мне нужно на работу. Флоранс позаботится о вас. Вам пока придется остаться здесь, но если вдруг случится непредвиденное, прыгайте из окна. Внизу сарай, у него жестяная крыша. Выдержит. А потом уходите в лес.

– Не беспокойтесь. Я опытный боец. Уж если я смог пережить тот ад в начале года, переживу и другие напасти.

Элен в этом не сомневалась. Если на кого и полагаться, то на такого, как он.

– Скажите, а что именно вы собираетесь здесь делать?

– Что именно? – переспросил он и улыбнулся. – Подробностей рассказать вам не могу. Полагаю, вы слышали о налетах авиации союзников? О бомбардировках военных заводов, складов, железных дорог, портов, других промышленных объектов и в особенности электростанций?

– Конечно слышала.

– Тогда вам известно, что это нанесло ощутимый урон немецкой военной машине.

– Ага, так это по вашей вине у нас то и дело гасло электричество?

– Боюсь, что так, – признался он. – В этот раз меня сбросили для осуществления следующей стадии.

– В чем она будет выражаться?

Джек поднял брови и выразительно посмотрел на Элен:

– Это я оставляю вашему воображению.

«Он намекает на диверсии на железных и автомобильных дорогах», – подумала она, но промолчала.

– Вы, случайно, не знаете, у кого спросить насчет какого-нибудь неприметного ровного лужка?

Элен нахмурилась, потом сообразила: союзникам понадобилось место для сброса оружия или даже приземления небольшого самолета.

– Я передам ваш вопрос.

– А ваша сестра Элиза сейчас дома?

Элен подняла глаза к потолку и лишь потом снова посмотрела на Джека:

– Скорее всего, она пошла в свое кафе. Оно служит центральным почтовым ящиком.

– Понимаю.

– Я за нее волнуюсь. Здешних мужчин насильственно отправляют на работу в Германию. На два года. Они всячески стараются уклониться. Мы называем их *réfractaires*¹⁰. Эти люди приходят в кафе и спрашивают, как им вступить в ряды Сопротивления. Элиза передает их просьбы в партизанские отряды. Командиры отрядов сообщают о местах встречи и уже там решают, кому из *réfractaires* можно доверять. Думаю, вы понимаете, что кое-кто из обратившихся на самом деле оказываются шпионами.

– Славная девушка! – восхищенно присвистнул Джек. – Храбрая. Она будет нам полезна.

– Храбрая? Я бы назвала ее бесшабашной. Но она сможет свести вас с кем-то из агентов УСО, которые уже здесь.

– Вы должны гордиться ею.

– Наверное, но я очень за нее боюсь. Вы правы, она смелая и стойкая. Но она сильно рискует. Ведь нацисты могут пронюхать, каким целям служит ее кафе. К тому же она сблизилась с одним из маки. Его зовут Виктор. Это создает ей дополнительную опасность.

– Это ее сердечный друг?

Элен пожала плечами и пошла к двери.

– Кстати, отличный кекс, – похвалил Джек, откусив кусок.

– Благодарите Флоранс.

Джек откусил еще, прожевал и вдруг спросил:

– Пока вы не ушли, можно у вас полюбопытствовать?

– О чем?

– Как вы втроем здесь оказались?

– Долгая история, – отмахнулась Элен, не желая говорить на эту тему.

– Тогда изложите самую суть.

Элен согласилась.

– В общем, после внезапной кончины нашего отца мама продала наш прежний семейный дом и купила себе домик в Глостершире, где сейчас и живет. А мы переехали сюда.

– И всё?

– Да. А теперь отдыхайте. Я потом загляну.

Она не стала говорить, какой шок испытала вместе с сестрами, когда Клодетта объявила, что их прекрасный ричмондский дом выставлен на продажу, а дом в Сент-Сесиль слишком мал и всех не вместит, поэтому семья разделится. Сестры отправятся во Францию и будут получать скромное пособие, которым будет распоряжаться Элен. Мать останется в Англии в небольшом коттедже, купленном ею. Через какое-то время Клодетта отвезла их сюда и помогла устроиться, однако вскоре вернулась домой. Их деревенская жизнь казалась временной мерой, но потом вмешалась война. Клодетта была вынуждена остаться в Англии, а они – здесь.

Почти все семь лет, прожитых в этом доме, сестрам приходилось вести самостоятельную жизнь. Мать иногда присылала короткие письма вроде недавнего, но прямое почтовое сообщение с Англией давно прекратилось, а при отсутствии телефонной связи их контакты с матерью свелись к минимуму.

По дороге к центру деревни, проходя по стертым булыжникам старинных улочек мимо сгрудившихся домиков и садов, Элен сознавала, что появление Джека пробудило в ней давно погребенные чувства. Или ее так всколыхнуло присутствие Томаса. Как бы то ни было, она приучила себя не думать о Жюльене и о том, как могла бы сложиться ее жизнь. А теперь на нее нахлынули воспоминания. Жюль был единственным, кого за эти семь лет она по-настоящему любила, но он ушел на войну и пропал без вести. Она помнила его жаркие руки у себя на теле. Помнила их прощальную ночь, когда она наконец отдалась Жюлю, быстро высчитав, что сейчас – самое безопасное для нее время. Вскоре после их близости он ушел, а она осталась в

¹⁰ Уклонисты (фр.).

амбаре, слушая успокаивающие звуки ночи. Уханье сов, крики ночных птиц, шорохи мелких зверюшек, снующих в траве. Она и сейчас любила это ощущение покоя, наступавшего после захода солнца. Листва на каштанах и дубах становилась темной, от земли поднимался жар, и все дышало покоем. Иногда раздавалась короткая соловьиная трель. Нынче этот промежуток между днями давал ей шанс ощутить покой. Сестры укладывались спать, а она садилась в темноте сада, медленно вдыхая ароматы ночи наедине со своей жизнью.

Глава 11

Элен прошла мимо стайки деревенских старух, любивших выползать на улицу ни свет ни заря. Старушечьи плечи были покрыты теплыми вязаными платками, хотя наступила весна, а ветер был легким и приятным. Со стороны железной дороги донесся свисток проходящего поезда. Где-то во дворе голосисто кукарекал петух. В другой деревне, за рекой, лаяли собаки. Там на утреннем солнце сияли красные крыши и охристые стены домов.

Вокруг главной деревенской площади сосредоточились основные магазины: *boulangerie*, *patisserie*, *épicerie*, *boucherie*¹¹. Чуть поодаль находилась кузница Мориса Фаброна, а за углом – *auberge*¹², которой владела придурковатая мадам Дешан, по-прежнему красившая свои завитые седые волосы в огненно-рыжий цвет. Всеми делами в гостинице расторопно заправляла ее пухленькая грудастая дочка Амелия, предпочитавшая облегающие платья. Большинство магазинов и лавок оскудели, предлагая лишь самое необходимое: морковь, брюкву и еще кое-что из овощей, а также яйца. Но те, у кого водились деньги, всегда могли воспользоваться услугами черного рынка. Невзирая на комендантский час, окрестные крестьяне все так же приезжали по ночам на телегах, привозя овощи.

Вверх по улице полз голубой пикап из местного гаража. Скорее всего, за рулем сидел Виктор, отцу которого принадлежал гараж. Элен подумала о бойцах Сопротивления. Одни продолжали работать, сохраняя видимость обычной жизни, тогда как другие прятались по заброшенным амбарам и темным лесным чащам. Сейчас сестрам, как никогда, требовалась помощь Виктора.

В коридоре ее встретил Уго.

– Доброе утро, Элен. Боже, что с тобой? Ты, часом, не заболела? Лицо совсем бледное.

– Я вполне здорова. Просто немного устала.

– Бывает. Будь любезна, помоги престарелой мадам Дешан раздеться.

– Я как раз думала о ней. Как она?

Уго скорчил гримасу:

– Боюсь, только хуже. Она сейчас в комнате ожидания.

– Опять жалуется на память?

– Да, и еще на прерывистое сердцебиение. Я хочу тщательно ее осмотреть.

– Ее полнота отнюдь не способствует здоровью.

– Конечно.

Элен надела сестринский фартук и прошла в комнату ожидания, чтобы препроводить пациентку в кабинет Уго, где за голубой ширмой находился уголок для раздевания. Однако старуха находилась в возбужденном состоянии и отказывалась покидать комнату ожидания. Она крепко цеплялась за стул и мотала головой. Элен прибегла к хитрости, пообещав угостить мадам Дешан печеньем. Старуха была сама не своя до сладкого. Услышав про печенье, она согласилась пройти в кабинет, но не пожелала зайти за ширму, заявив, что расположится на стуле у стола доктора и будет есть печенье там.

– Печенье после осмотра, – с натянутой улыбкой сказала Элен.

Наконец ей таки удалось завести капризную старуху за ширму, где мадам Дешан плюхнулась на табурет и упрямо обхватила себя руками.

– Позвольте, я помогу вам снять кардиган, – как можно мягче произнесла Элен.

У нее кончалось терпение, а старуха, явно это чуя, лишь усугубляла ситуацию.

– Отвали от меня!

¹¹ Булочная, кондитерская, бакалея, мясная лавка (*фр.*).

¹² Деревенская гостиница с небольшим рестораном (*фр.*).

– Не надо грубить, мадам.

Всякий раз, когда Элен пыталась снять с мадам Дешан ее злосчастный кардиган, та упрямо снова напяливала его на себя. Обычно спокойная и выдержанная, Элен вся напряглась, захлестываемая отчаянием. После очередной попытки кончик старушечьей прядки обмотался вокруг пуговицы, и мадам Дешан завопила, как банши. В этот момент в кабинете появилась привлеченная шумом Мари.

– Позвольте, я помогу? – Мари взглянула на старуху, которая теперь запустила руки себе в волосы и что-то бормотала о нынешней молодежи.

– Я буду только рада, – глубоко вздохнула Элен. – Простите меня, пожалуйста. Сама не знаю, что со мной.

– Сделай-ка нам всем травяного чая, а я тем временем подготовлю мадам Дешан к осмотру.

Радуюсь избавлению от пытки, Элен отправилась прямо на кухню. Обычно она прекрасно ладила с пациентами и страшно не любила подводить Уго. До войны женщины вообще не имели никаких прав и до 1938 года не могли даже устроиться на работу без разрешения отца или мужа. Однако Уго сумел обойти этот закон, взяв Элен на работу и организовав ее обучение.

Она открыла шкаф над раковиной, решив приготовить мятный чай, но обнаружила, что в банке с сушеной мятой пусто. Элен собралась вымыть стеклянную банку, но усталость сделала ее неловкой. Банка выскользнула у нее из рук, ударилась о плитки пола и разбилась.

Элен хотелось закричать, но она лишь сдавленно застонала и, взяв метлу и совок, тщательно собрала осколки. Проверив шкаф, она нашла только ромашку, которую Уго терпеть не мог. Что же делать? Снова подступило отчаяние. Элен решила заглянуть в кафе – может, у Элизы найдется сушеная мята.

Сняв фартук, Элен перешла площадь. Возле дверей кафе за одним из трех выносных столиков сидели двое стариков, весело пожелавших ей доброго утра. Когда Элиза только открывала кафе, она покрасила стулья и стены в яркие цвета, вызвав подозрение местных жителей. Население деревни придерживалось старомодных взглядов, признавая только то, к чему они привыкли, и в штыки воспринимая все новое. Но Элиза не сдавалась, и ее дружелюбный смех в сочетании с кулинарным искусством Флоранс быстро завоевали сердца посетителей. Мать прислала Элизе деньги для открытия кафе, но с условием, чтобы заведение как можно скорее стало самокупаемым. Нынче Элиза и ее кафе являлись неотъемлемой частью деревни. Жители давно забыли, что когда-то у них не было кафе.

Заведение служило не только «почтовым ящиком», но и любимым местом встречи деревенских стариков. Они усаживались кучкой и вспоминали прошлое, угощаясь тушеным мясом с овощами. Настоящего кофе не было и в помине. Его сменила отвратительная смесь цикория, ячменя, солода и желудей, называемая эрзац-кофе. Элен предпочитала травяные чаи. Летом возле кафе появлялась музыка. Клеман, сгорбленный усатый девяностолетний старик, приходил со своим стулом и аккордеоном и играл классические парижские уличные мелодии, вспоминая юность, проведенную в Париже. Такая музыка называлась *bal-musette*¹³, и при ее звуках на глазах старшего поколения неизменно наворачивались слезы.

Войдя, Элен увидела Элизу сидящей за столиком. Сестра украдкой посматривала на карту, спрятанную между страницами романа. В углу молодая мать встала и взяла на руки своего малыша, собираясь уйти. Элен приветливо ей улыбнулась, а когда та ушла, спросила у сестры:

– Что это?

– Да вот, проверяю место.

– Ты никак еще глубже втянулась во все это?

¹³ Общедоступная танцевальная музыка (*фр.*).

– Успокойся. Глубже «почтового ящика» я не лезу. Просто смотрела, где находится новая конспиративная квартира.

Элен села рядом и принялась ковырять заусенцы.

– Нервничаешь? – спросила Элиза.

– Ужасно.

– Я тоже. – Элиза понизила голос. – Я говорила с Виктором.

– Насчет перемещения сама знаешь кого?

Элиза кивнула:

– Завтра вечером Виктор за ним придет.

– Завтра? Почему не этим вечером?

– Сегодня он не может.

Следующим пациентом Элен оказался молодой парень, сильно повредивший пилой палец. «Не уловка ли это, чтобы отвертеться от работы на нацистов?» – мелькнуло у нее в голове. Доктор Уго уже обработал рану и наложил швы. Элен оставалось лишь сделать перевязку.

– Слышал, нацисты шерстят все деревни в нашей округе, – под конец перевязки сказал парень.

– Да? А ты не знаешь зачем?

– Люди разное болтают. Вроде ищут тайники с оружием.

– Так и говорят? – спросила Элен, вспомнив о взрывчатке, зарытой Элизой в саду.

Какое счастье, что сестра убрала опасный ящик!

– Откуда нам знать на самом деле? Сейчас чего только не услышишь.

– Например? – спросила Элен, стараясь говорить спокойно.

– Я от своего дяди слыхал: немцы ищут дезертира из ихней армии. Представляешь?

Элен не ответила, но мысли в мозгу понеслись еще лихорадочнее. Томаса нужно удалить из их дома. Если не получалось сегодня, то завтра непременно.

Вернувшись домой, она сразу же поднялась на чердак. Томас сидел и жевал хлеб. Должно быть, Флоранс ему принесла. При виде Элен дезертир вытаращил на нее испуганные глаза.

– Все в порядке. – Элен попыталась улыбнуться, но он не понял.

Какой там порядок! Совсем наоборот, нелепее всего, что немец проторчит у них дома еще сутки.

Сестры выдали ему ночной горшок с розочками по краям. Сейчас горшка не было. Наверное, Флоранс унесла, чтобы опорожнить. Элен постояла еще несколько минут, но, поскольку она не говорила по-немецки, а дезертир знал лишь отдельные французские слова, говорить им было не о чем.

Потом он показал ей глубокую рану на руке. Элен прищурилась.

– Это нужно промыть и продезинфицировать, – сказала она и отправилась вниз за своим медицинским саквояжем.

Закончив возиться с раной, она наложила повязку. Спустившись с чердака, Элен заглянула к Джеку. Англичанин спал. Она не стала его будить. Позвав Флоранс, она сказала, что на случай обыска нужно удалить из дома все подозрительное. В душе Элен надеялась, что обыска не будет.

– Как с Томасом? – спросила Флоранс. – Я весь день только о нем и думаю. Уже тошно от мыслей. Сегодня его уведут?

– Увы, нет. Но не беспокойся. Виктор нам поможет. Он в курсе.

– Скоро?

– Да. Завтра. А сейчас займемся наведением лоска. На всякий случай.

– На тот случай, если немцы явятся искать Томаса?

– Да.

В деревне все считали сестер француженками. Отец редко приезжал в летний дом. Никто и не догадывался, что он был наполовину англичанином. Если немцы придут искать Томаса, надо сделать так, чтобы им на глаза не попало ничего подозрительного, способного навести СС на мысли об английском наследии сестер. Многие знали, что они учились в Англии, однако про бабушку-англичанку не знал никто. Меньше всего сестрам хотелось из-за этого оказаться в лагере.

Чердак по-прежнему нуждался в наведении порядка, но как их ранние поиски, так и недавние не обнаружили там ничего особо примечательного. Одежда, кое-что из мебели, старая лошадка-качалка и другие такие же штучки. Самыми интересными находками оказались кухонная утварь и, конечно же, красное платье. Правда, нынешней зимой Элен нашла кое-что, но не на чердаке, а в комнатке в задней части дома, под комнатой Элизы. Вот как это произошло. Сестры сэкономили дрова и никогда не разжигали огонь в камине этой комнаты. Элен уже не помнила, почему она решила попробовать. Комната мгновенно наполнилась дымом, и тогда обнаружилось, что в дымоходе спрятана шкатулка. Семь лет сестры и не подозревали о ее существовании. Как давно шкатулку спрятали в дымоход, никто не знал. Она почернела и стала липкой от сажи и пыли. Элен очистила поверхность шкатулки и, мельком заглянув внутрь, отложила на потом.

Теперь опасность обыска заставила обследовать содержимое. Элен уселась по-турецки на пол, подняла крышку и разделила содержимое на две стопки – себе и Флоранс. Поверх каждой лежала фотография.

– Это кто? – спросила Флоранс, усаживаясь рядом и беря в руки фото. – Маман?

– Не уверена, – фыркнула Элен, мельком взглянув на снимок. – Может, ее сестра.

Разбирая содержимое шкатулки, сестры нашли пожелтевшие выписки по банковским счетам, старый возвратный чек, выцветшие открытки, которые отец посылал из Англии матери, когда она гостила здесь, а также несколько счетов. Элен заметила, что марка на одной открытке была явно не английской. Плесень и сырость сделали текст неразборчивым, за исключением двух слов – «My beloved»¹⁴. Элен сунула открытку в карман и вспомнила единственное письмо, полученное от Жюльена. Прощальное письмо, в котором он не называл ее своей любимой.

– Что ты там нашла? – спросила Флоранс.

– Ничего особенного, – соврала Элен. – Картинка с лесным пейзажем. А тебе что попало?

– Только старые счета из нашего ричмондского дома. Сжечь их, что ли?

– А у тебя растоплен бойлер?

Флоранс ответила, что да. Взяв ворох бумаг, она вышла из комнаты.

Элен достала открытку и снова всмотрелась в почти размытые строки. Ей не удалось прочесть ни одного слова, кроме этих, чудом уцелевших – «My beloved». Отсутствие имени не позволяло понять, адресована открытка женщине или мужчине. Кто эта любимая или любимый? И кем? Элен не представляла, чтобы мать могла написать кому-то столь теплые и нежные слова. Было ли это каким-то образом связано с искромсанным красным платьем? Вспомнив о платье, Элен зажмурилась, напрягая память. Что-то смутное уже стучалось ей в разум. Если удастся починить платье, может, тогда она что-то вспомнит? Пока что перед ее мысленным взором маячил лишь темный чердак.

¹⁴ Английские слова, которые в зависимости от контекста могут переводиться как «моей любимой» или «моему любимому».

Еще в детстве Элен и Элиза узнали, что брак их родителей вовсе не безоблачен. В Ричмонде Элиза нашла записку со словами: «Прошу меня простить. Не делай этого». Записка была написана рукой матери, разорвана пополам и брошена в мусорную корзину. Ни Элиза, ни Элен не поняли смысла записки, но позже им довелось подслушать самый конец родительской ссоры. Нет, им не показалось: отец и мать действительно обменивались язвительными замечаниями.

Элен тряхнула головой. Все это прошлое, а ей нужно думать о настоящем.

Сестры уже заканчивали разбор шкатулки, когда хлопнула входная дверь, и вскоре к ним подошла вернувшаяся Элиза.

– Дымом пахнет на весь дом. Нашли что-то интересненькое?

– Нет, – ответила Флоранс. – По большей части открытки, которые отец посылал маман.

– И счета, – добавила Элен.

– Как Томас? – спросила Элиза.

Элен надула щеки и шумно выдохнула:

– Сонный. Усталый. Испуганный.

– Как и все мы, – засмеялась Элиза.

– А знаешь, судя по этим открыткам, отец по-настоящему любил нашу маман, – сказала Флоранс, вставая с пола.

– Я и не утверждала обратного, – заявила Элиза, глядя на младшую сестру.

– Они очень любили друг друга. Помнишь, как мужественно она держалась на его похоронах?

– Мужественно? – удивилась Элиза. – Сестричка, ты никак спятила?

– Почему ты так говоришь?

– Да потому, Флоранс, что на похоронах она была холодной как лед.

Элиза посмотрела на Элен. Та лишь пожала плечами.

– Элиза, ты всегда была против нее. Неужели тебе так трудно проявить больше старания? – спросила Флоранс, у которой задрожала нижняя губа.

– Больше старания? – нахмурилась Элиза. – В чем?

– В симпатии к ней. В любви. После похорон я у нее спросила: как она теперь будет жить без нашего отца? Она ответила: «Нельзя падать духом. Жизнь продолжается». Разве это не мужество?

Элен становилось все тягостнее слушать этот разговор. Подобные доводы она слышала не впервые и решила сменить тему:

– А помните, как мы распевали рождественские песенки, собирая деньги на собачий приют в Баттерси. Маман не хотела отпускать нас одних, но отец считал, что сопровождающие нам не нужны.

– Мы тогда собрали кучу денег, – засмеялась Элиза.

Элен криво усмехнулась:

– Ты сказала, что их можно потратить на сласти, а приюту отдать совсем чуть-чуть.

Но Флоранс, которая тогда была слишком мала, сердито посмотрела на Элен:

– При чем тут какой-то собачий приют в Баттерси?

Элен надула щеки. Она, конечно же, видела опечаленное лицо младшей сестры. Казалось, Флоранс вот-вот расплачется.

– Маман старалась изо всех сил, – сказала Флоранс, упрямо возвращаясь к волнующей ее теме. – Вы должны это понимать.

– Изо всех сил? – фыркнула Элиза.

– Да. Не ехидничай. Почему ты такая жестокая? Она хотя бы старалась.

– Не слишком-то.

– Хватит! – не выдержала Элен. – У нас есть заботы посерьезнее, чем увязать в спорах о поведении маман и выяснять, была ли она храброй и заслуживала ли нашей любви. Лучше

подумаем, как... – Она сделала упор на этом слове, повторив его: – *Как* нам избавиться от немецкого дезертира.

– И Джека, – подхватила Элиза.

– Джек – вполне самостоятельный человек.

Глава 12

Следующий день выдался солнечным. Элен шла по дороге, окаймленной деревьями. В воздухе пахло сосновой смолой. Путь пролегал мимо платанов, кедров, каменных дубов и, конечно же, ореховых деревьев. Элен смотрела на их листву – такую зеленую и свежую, еще не тронутую неумолимым летним зноем. Сама деревня выглядела очень живописно. Синели головки ирисов. В садах цвели сирень и яблони, на которых к концу лета появятся райские яблоки. Во всем ощущалась гармоничная вневременная простота, однако Элен ощущала сильное беспокойство. Пожалуй, никогда еще она так не волновалась, как сейчас. Правильно они вчера сделали, что сожгли все содержимое шкапулки, и это хотя бы немного ее успокоило. Сейчас она усиленно старалась выбросить из головы мысли о Томасе и Джеке и сосредоточиться на работе.

Легко сказать – выбросить из головы. До сих пор ей удавалось держаться в стороне от бед. Но несколько дней назад беда сама явилась в их дом. Разумеется, Элен понимала причины, приводившие людей в ряды Сопротивления, где они ежедневно рисковали собой. Но она не могла последовать их примеру. Ее задача – работать, выживать, оберегать сестер и постоянно молиться, чтобы вскоре они услышали добрые вести о действиях союзников и чтобы жизнь вернулась в нормальное русло.

Она остановилась поболтать с Клеманом. Тот шел к кафе, постукивая палкой по булыжникам. Из кармана белой рубашки торчала пачка сигарет «Голуаз». Элен уловила едкий запах табачного дыма, окружавший старика.

– Доброе утро, – приветствовал ее Клеман; как и все глуховатые старики, он говорил громче, чем требовалось. – На работу?

– Да. Я еще до полудня загляну к вам и проведу Габриэль.

– Вот и славно.

Ей нравился этот старик, всегда приветливо улыбавшийся каждому. Его жена Габриэль, почти его ровесница, страдала ишиасом и артритом, из-за чего была часто вынуждена оставаться в постели. Элен навещала ее каждую неделю, помогая справляться с пролежнями.

Простившись с Клеманом, она пошла дальше. Утреннее солнце окрашивало дома в янтарный цвет. В их деревне помимо открытых участков встречались и тенистые уголки, особенно желанные, когда ослепительное летнее солнце жарило так, что начинали плавиться кости. Дух этого места пока еще не был сломлен, хотя война ударила и по нему. На главной площади стояло здание рынка, построенное в XVIII веке. Его крыша держалась на каменных колоннах. Поблизости от врачебного кабинета находился местный муниципалитет, или *mairie*¹⁵. Там регистрировали рождения, смерти и браки. На его ступеньках Элен заметила приходского священника, отца Бернара Шарье. Он лишь помахал ей и пошел дальше.

Кондитерская была закрыта, но ее владелица, рыжеватая блондинка средних лет по имени Анжела, отличалась неугомонным характером и любила посплетничать. Сейчас она сидела на складном стуле в дверном проеме магазина. Как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Несколько лет назад ее муж умер от инфаркта. С тех пор магазин с полом, выложенным старинной плиткой, сверкающими прилавками, отделанными красным деревом, и висячими светильниками был ее миром. Этому же миру принадлежала толстая кошка Бо, рыжая с белыми полосками. Элен шла по другой стороне улицы и ограничилась приветственным взмахом руки.

Хвала небесам, сегодня все в деревне выглядело достаточно мирно. Никаких эсэсовцев на площади и прилегающих улицах. Вскоре Элен убедилась, что это лишь видимость. У нее

¹⁵ Мэрия (*фр.*).

замерло сердце, когда она увидела Мари, выбежавшую из боковой двери в халате, не сняв с головы бигуди.

– Слава богу, вы здесь! – воскликнула Мари, страдальчески морщась и заламывая руки. – Эти мерзавцы забрали Уго. Чуть свет приехали на штабной машине. Не солдаты.

– Гестапо?

– Наверное.

Элен заморгала, пытаясь понять смысл случившегося, но в голове безостановочно звучал пронзительный крик. Ей стало трудно дышать. От жуткой новости сдавило грудь. Произошедшее грозило сгубить все, что ей было дорого. Доктор Уго. Как могло случиться, что его арестовали? Она посмотрела на бледную Мари, чьи губы стали почти синими, и не смогла подобрать слов. Боже мой! Она должна быть сильной, иначе какая из нее помощница Мари?

Элен сглотнула, сумела вдохнуть и протянула руки к Мари.

Женщины крепко обнялись.

Уго Маршан был единственным здешним врачом. Едва ли можно было найти человека добрее и щедрее, чем он. То, что он одновременно исполнял обязанности мэра, очень устраивало бойцов Сопротивления. Должность вынуждала его поддерживать вишистский режим, но поддержка была лишь внешней. Он тормозил выполнение распоряжений вишистов везде, где только мог. Однако немцы сменили ему секретаря, поставив некоего Паскаля Жиро, тощего, долговязого человека, чья роль оставалась неясной.

– Что им известно? – спросила Элен.

Мари покачала головой:

– Они забрали его мимеограф. Но Уго пользовался аппаратом только для медицинских целей. Предписания для пациентов и все такое. Как они вообще узнали про мимеограф? Должно быть, этот Паскаль донес. Хотя Уго говорил, что вполне ему доверяет.

Мимеографом называлась недорогая копировальная машина, в которой чернила подавались через трафарет текста, оставляя оттиски на бумаге. Такими устройствами часто пользовались бойцы Сопротивления для печати листовок.

– А его радио?

Приемник Уго был их единственным источником информации. Нацисты лезли из кожи вон, разыскивая приемники и наказывая их владельцев.

– Надежно спрятано, – покачала головой Мари. – Мы по-прежнему можем получать известия по Radio Londres¹⁶.

– Вы думаете, это может быть как-то связано с внезапным появлением Джека?

– А ты ему доверяешь?

– Да, Мари. Вполне. И Джек никак не мог знать о мимеографе.

Элен замолчала. Неужели она подпала под обаяние Джека? Можно ли доверять человеку, которого она знает считанные дни? Ведь были же англичане, работающие на немцев. Возможно, его история о пропавшем напарнике Билле – не более чем выдумка.

– Может, Паскаль видел, как я сажала его в машину после комендантского часа? – предположила Мари.

Элен заставила себя думать, не терять спокойствия и сосредоточиться на фактах.

– Это могло быть совпадением. Я поговорю с Элизой.

– Как быть с кабинетом? – растерянно спросила Мари.

– Пациентов много?

– Пока нет, но думаю, скоро их битком набьется. Дурные вести распространяются быстро.

¹⁶ Радио Лондон (*фр.*). Отдел Би-би-си, вещавший исключительно на французском языке. Передачи велись с 1940-го по конец 1944 г. Редакция состояла из французских патриотов, боровшихся с гитлеровской оккупацией.

– Попросите пришедших обождать. Когда я вернусь, начну прием. Те, кому нужен доктор Маршан, пусть придут в другой раз.

Мари согласилась. Элен похлопала ее по плечу:

– Держитесь, Мари. Не теряйте надежды. А сейчас оденьтесь, съешьте что-нибудь, и потом будем решать.

Элен торопливо пошла в сторону кафе сестры, где намеревалась дожидаться Элизу. Она отдала бы что угодно, только бы этого не случилось. В присутствии Мари она еще пыталась сдерживать страх, но сейчас он опять стал подниматься изнутри. Как бы ей хотелось вырвать Уго из застенка и надежно спрятать.

Но это была неисполнимая мечта.

В задней части кафе имелась комнатка с отдельным входом. У Элен был ключ. Открыв дверь и войдя, она уселась на единственный удобный стул и стала ждать. Ее сердце болело за доктора Уго с его умными серыми глазами и традиционными перигорскими усами, кончики которых он завивал наверх. Он всегда так элегантно выглядел в своем костюме и неизменной серой фетровой шляпе, а зимой – в темно-синем шерстяном пальто с меховым воротником.

Захлестнутая чувством беспомощности, Элен заставила себя думать о таких женщинах, как Элиза, Мари, как ее подруга Виолетта. Какой путь они прошли от начала Сопротивления до нынешнего времени. Они боролись; им хватило смелости заявить о своих способностях и, преодолев насмешки, сломать стереотип о женской слабости. Некоторые женщины стали активными участницами Сопротивления, целиком посвятив себя борьбе. Они собирали сведения и даже участвовали в диверсионных операциях. Четыре года назад такое казалось немыслимым. Эти женщины воевали не только против гитлеровского нацизма, но и сражались с предрассудками, окружавшими слабый пол. Ограничения, считавшиеся нормой в начале войны, только усугубились вследствие репрессивных мер Петена. Глава вишистских коллаборационистов, этот престарелый маршал с синими глазами-буравчиками жил в роскоши в отеле «Дю-Пар». Он запретил женщинам работать в общественном секторе, запретил разводы, а за аборт нынче полагалась смертная казнь.

Что касается Сопротивления, в других частях Франции его деятельность была более организованной и возглавлялась признанными руководителями. Но здесь маки чувствовали себя более чем вольготно. Дордонь была идеальным местом для партизанской войны. Партизаны были сильны, пока САБ не подавила их волной террора. Сейчас они вновь набирали силу, но сумеют ли они найти способ помочь Уго?

Глава 13

Элен наблюдала, как Элиза распахивает дверь, вкатывает свой велосипед, прислоняет к стене и бросает сумку на стол. Затем она сняла с багажника продуктовую корзину и только тогда, подняв глаза, заметила старшую сестру, сидящую в сумраке помещения.

– Чтоб мне провалиться на месте! Ну ты меня и напугала. Что случилось? Видок у тебя жуткий.

– Ох, Элиза, тут такое дело... Нам всерьез нужна твоя помощь.

– Так что случилось?

Элен прижала ладонь к груди.

– Уго... его забрали, – дрогнувшим голосом произнесла она.

– Когда?

– Сегодня. Рано утром.

Элиза побледнела. Ее глаза округлились от услышанного.

– Боже! Поспешу-ка я за Виктором. Он совсем недавно ушел.

– Может, Лео что-то знает.

Леонар Делакура, местный полицейский, симпатизировавший Сопrotивлению, прослушивал телефонные линии, пытаясь разузнать о планах немцев и передвижении войск. Он предпочитал, чтобы его называли просто Лео. Этот человек сильно отличался от французских *gendarmes*¹⁷, обычно принимавших сторону маршала Петена. Нынче большинство полицейских превратились в немецких марионеток и вместо СС выполняли всю грязную работу.

– А Виктор?

– У них утром дела. Чем меньше ты знаешь...

– Спрошу у Виолетты, не слышала ли она чего. Может, она виделась с Сюзанной.

Если Элиза по натуре была индивидуалисткой и бунтаркой, Элен предпочитала приспособляться к обстоятельствам и действовать скрытно. Сюзанна, добрая подруга Элен и Виолетты, была жилистой блондинкой, принадлежавшей к высшему классу и придерживавшейся идеалистических воззрений. Она жила вдвоем с мужем Анри, французским офицером, метким стрелком. Эсэсовцы его было арестовали, но затем выпустили. Выйдя на свободу, Анри узнал, что его шато превращено в немецкий командный центр и временную тюрьму. Внешне казалось, что он сотрудничает с врагами (его и Сюзанну заставили работать в шато), но Сюзанна вносила свой вклад в дело Сопrotивления, передавая подслушанные сведения о пропавших людях и планах немцев.

Из кафе Элен направилась к Виолетте. Они сразу же прошли в сад, где их никто не слышал. Элен торопливо рассказала ей об Уго. Какая ужасная новость в столь прекрасный день! На небе – ни облачка. С нижней террасы наплывал медово-ванильный аромат испанского дрока. К нему примешивался острый, пряный, теплый запах чабреца и сладковатый запах голубых фиалок, чем-то похожий на аромат духов. Рядом с желтыми нарциссами и примулой росли мускатный шалфей, тархун, душистый укроп и лук-резанец.

– Давай присядем, – предложила Виолетта. – Несколько минут погоды не сделают.

Элен смотрела на аккуратно собранные в узел волосы подруги, искусно подведенные брови и лицо с высокими скулами. Раньше Виолетта работала у парижского кутюрье. Она и сейчас казалась женщиной из того мира, случайно занесенной в сонную глушь Сент-Сесиль.

– Итак, что нам теперь делать? – спросила Виолетта.

¹⁷ Жандармы (фр.).

– Пока не знаю. Надеюсь, Лео что-нибудь слышал. Нужно установить, куда именно немцы забрали Уго.

– Но он ведь не сделал ничего такого.

– Не знаю, – пожалала плечами Элен. – Сюзанна заглянет к тебе сегодня?

– Надеюсь.

Будучи женщиной из высшего сословия, Сюзанна даже в нынешнем своем положении пользовалась определенной свободой. Ей разрешалось ходить в деревню за покупками, заглядывать к портнихе и местным ремесленникам. Иногда ее сопровождали один или двое эсэсовцев, что вызывало удивленные взгляды, но, поскольку Сюзанна умело сохраняла свой «фасад», в деревне почти не знали, чем на самом деле занимается эта женщина. Немцам, расположившимся в шато, она нравилась своей арийской внешностью и безупречными манерами. Она часто сообщала Виолетте о происходящем в шато и примыкавшем к нему старинном замке. Виолетта передавала сведения Элизе, а та, в свою очередь, – бойцам Сопротивления. Эта маленькая цепочка, состоявшая из портнихи Виолетты, великосветской дамы Сюзанны и Элизы, работавшей на Сопротивление, недавно предложила Элен примкнуть к ним и стать четвертой. Ведь она всегда могла подслушать важные сведения, касающиеся раненых немецких офицеров, проходивших лечение у доктора Уго. Элен отказалась, сделав упор на том, что не может рисковать.

Однако сейчас, когда ситуация изменилась, она смотрела на подругу, ощущая тревогу и удручающую пустоту в душе.

– Виолетта, я буду рассказывать тебе обо всем, что услышу в кабинете. Но только через некоторое время.

– Думаешь, немцы следом могут явиться и за тобой?

– Если они взяли Уго, то могут. Я не хочу ставить под удар Элизу и Флоранс.

– Элиза и так ставит себя под удар. А за тобой они не явятся. С какой стати?

Тогда Элен, стараясь дышать ровно, рассказала подруге про Джека и Томаса.

– Боже милостивый! – воскликнула Виолетта. – Да ты же по горло завязла во всех этих делах.

– Да, – почесав шею, ответила Элен. – Хотя и не собиралась.

– Допускаю, они могут обыскать ваш дом. Думаешь, немцы арестовали Уго, поскольку узнали, что он лечил Джека?

– И такое возможно, – пожалала плечами Элен.

– Как думаете расхлебывать эту кашу?

– У Виктора есть какие-то соображения насчет немецкого парня.

– Куда его отправят?

– Понятия не имею.

– А этот англичанин из разведки?

– С ним все по-другому.

Виолетта вопросительно подняла брови, но Элен не стала вдаваться в подробности.

– Если Сюзанна придет, переговори с ней. Узнай, не в замке ли Уго.

Шато, принадлежавшее Сюзанне и Анри Дюма, находилось неподалеку от Сент-Сесиль, занимая дальний край скалы. С одной стороны к нему примыкал древний замок, помещения которого находились в ужасном состоянии и требовали реставрации. Перед войной эта пара предприняла кое-какие работы по восстановлению шато. К нему вела протяженная дорога, обрамленная ореховыми деревьями. Из окон открывался захватывающий вид на речную долину, а со стороны ландшафтного сада – вид на парапеты замка. Когда нацисты реквизировали шато, то нашли применение и развалинам; в особенности двум подземным застенкам, созданным еще в XI и XII веках. Две островерхие башни замка использовались для наблюде-

ния за местностью, но украшенную скульптурами церковь немцы оставили без внимания. А между тем в церкви находилась потайная каменная лестница, ведущая в подземелье под шато.

Крыша шато имела крутые скаты. Главный зал с массивными дубовыми потолочными балками задавал тон всему строению. Оно досталось супругам после пожара, когда вода из лопнувших труб повредила то, что пощадил огонь. Чета Дюма вернула его к жизни, превратив в настоящий дворец с высокими потолками и большими окнами, из которых можно было любоваться местными красотами. Неудивительно, что нацисты решили прибрать шато к рукам. Им нравились бархатные портьеры и шелковые подушечки на диванах, старинная облицовка каминных труб, антикварная мебель из орехового дерева, открытые потолочные балки и восстановленные каменные полы и лестницы. Но только Сюзанна и Анри знали все тайны замка и шато. Они уничтожили все имевшиеся у них архитектурные планы, чтобы не дать нацистам никакой зацепки. Оказавшись в роли прислуги у немцев, они ютились в отведенной им комнатке за кухней, что было крайне унижительно. Однако замок пережил атаки Ричарда Львиное Сердце и других завоевателей. Под обоими зданиями имелась система туннелей, колодцев, подземных ходов, потайных помещений со сводчатыми потолками, лестниц и погребов, которым Сюзанна и Анри находили должное применение и о существовании которых оккупанты даже не подозревали.

Элен ждали пациенты.

– Как школьные успехи малыша Жана-Луи? – спросила она, вставая и беря сумку.

– Пятилетний ребенок – это шило в одном месте. Когда он хорошо себя чувствует, готов проказничать без остановки.

– Должно быть, трудно тебе приходится.

– В смысле, растить его одной?

– Да.

– Не так уж и трудно. Пьера давно нет. Я привыкла.

– Как его грудь? Получше?

– Да. К лету всегда лучше... Гляди, а вот и он.

В комнату вбежал веснушчатый малыш с огромными карими глазами и вьющимися светлыми волосами. Увидев Элен, он обхватил ее ноги.

– Привет, моя курчавая головушка, – улыбнулась ребенку Элен и потрепала его по волосам. – Как поживает мой любимый мальчик?

Жан-Луи захихикал.

– Я сегодня непослушный, – сообщил он.

– Да неужели?

– Oui! Oui! Oui!¹⁸

– Но ты никогда не бываешь непослушным. Твоя маман мне говорила.

Малыш подбежал к матери. Та подхватила его на руки и стала целовать.

Элен подошла к двери. Все знали, что Александр Лакруа, учитель Жана-Луи, был вишистским коллаборационистом, и потому осторожничали, чтобы не сказать лишнего в присутствии ребенка.

– Я пошла, – сказала Элен и наклонилась, чтобы поцеловать подругу в обе щеки. – Пациенты Уго меня заждались. Если у Сюзанны будут новости о нем, передай через Элизу.

Наступил вечер, а известий о судьбе Уго по-прежнему не было. Элен очень устала от вереницы любопытных пациентов. Всем им она говорила одно и то же: доктора вызвали по неотложному делу. Люди, конечно же, понимали, что это отговорка, но Элен не вступала в разговоры и всячески старалась скрывать свое беспокойство.

¹⁸ Да! Да! Да! (фр.).

Когда она шла через площадь, направляясь домой, туда въехала немецкая штабная машина, одна из тех, что переделали на газогенераторное топливо. Двигались такие автомобили медленно. Поравнявшись с Элен, машина еще сбросила скорость. Элен затаила дыхание, ожидая, что ее сейчас остановят и потребуют предъявить аусвайс, продовольственную книжку и документ, подтверждающий ее арийское происхождение. Однако машина поехала мимо. Вдали раздался выстрел. Элен вновь охватила тревога. Она молила Бога, чтобы эта машина направлялась не к их дому.

Дома Элен прошла в прачечную, имевшую сводчатый потолок, подтащила к крану жестяную ванну и до половины наполнила холодной водой. Горячую воду Флоранс носила кувшинами из кухни.

– Пожалуйста мыться, – сказала Флоранс.

Она протянула сестре кусок мыла и бросила в воду сушеные лепестки роз. Нынешняя жизнь не баловала сестер удобствами, однако без Флоранс у них бы вообще ничего не было. Это она тайком держала кур и двух оставшихся коз, которых называла *mes jolies petites chevres*¹⁹. Невзирая на все ужасы, преподносимые жизнью, Флоранс не теряла оптимизма. Элен сознавала, что должна защитить младшую сестру.

– Не буду тебе мешать, – сказала Флоранс. – Полотенца на стуле. Я заходила к Томасу. Джек большую часть дня спал. Я думала, он еще вчера покинул наш дом.

– Как парень?

– Уже не так дрожит.

– Надеюсь, вечером мы его спровадим.

– Каким образом?

– Пока не знаю. Джеку тоже пора с нами прощаться.

– Ладно, мойся и постарайся расслабиться. Если они пришли за Уго, это вовсе не значит, что они явятся и за тобой. Как-никак, они же не тронули Мари.

Элен согласилась с доводом сестры.

Прачечная служила в доме также и местом для мытья. Зимой там царил зверский холод, но к весне мытье становилось более приятной процедурой. К тому же здесь имелся водопроводный кран и большая керамическая раковина. Туалетов у них было два: один выносной, второй в доме, куда можно было попасть прямо из прачечной. Дом требовал модернизации, но с началом войны не стало ни денег на ремонт, ни желания им заниматься.

Элен уселась в ванну, продолжая думать. Уго был не единственной их проблемой. Может ли она расслабиться, когда в доме по-прежнему находятся немецкий дезертир и английский разведчик? Оставалось надеяться, что к утру оба уберутся. Если к тому времени не поступит вестей об Уго, тогда, быть может, Элиза попытает счастья в шато. Здание тщательно охранялось. Подобраться туда будет нелегко, но сестра знала, как пройти по сотне гектаров пахотной земли, пастбищ и лугов, а затем еще по четыремстам гектарам, занятым грецким орехом, каштанами и тополями. Оттуда она попадет на малозаметную тропку, пролежавшую вблизи шато.

Дверь прачечной осторожно приоткрылась. Элен повернула голову, рассчитывая увидеть Флоранс. Однако на пороге стоял Джек и смущенно моргал, глядя на нее. Зачем вообще он спустился? Элен сползла поглубже в ванну, чтобы вода покрыла грудь, но он уже и так все видел. Джек поднял руки в знак извинения и отвернул голову в сторону.

– Простите великодушно, – пробормотал он и быстро закрыл дверь, однако Элен почувствовала: между ними что-то произошло.

У нее густо покраснели щеки. Под водой она потрогала грудь. Соски отвердели и торчали, между ног защипало. Не дав себе впасть в замешательство, она быстро вылезла из ванны, схва-

¹⁹ Мои чудесные маленькие козочки (*фр.*).

тила полотенце и принялась торопливо вытираться. Мысли путались. В те мгновения, когда Джек на нее смотрел, ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы ее потрогали.

Одевшись, Элен прошла на кухню. Джек сидел за столом и чистил морковь. Взглянув на нее, он тепло улыбнулся. Его зубы были белее, чем прежде. Элен разрывалась между желанием поскорее уйти и желанием остаться. Открылась задняя дверь. В кухню вошла Элиза. Элен волевым усилием взяла себя в руки. Это надо прекратить. Взять и прекратить.

– Есть новости? – сухо спросила она, стараясь не показывать внутреннего возбуждения и ошеломленности.

Элиза прислонилась к стене и мельком взглянула на Джека.

Англичанин отодвинул стул, приготовившись встать.

– Нет, останьтесь, – сказала ему Элиза. – Возможно, вы сумеете нам помочь.

– С Уго? – спросила Элен.

– Да. Уго в замке. Сюзанна видела, как его туда привезли.

– Он в подземной тюрьме?

– Она не знает.

Элен упала духом. Неужели нацисты измываются над ним? Сама мысль о том, что кто-то издевается над добрым, мягким Уго, вызывала в ней тошноту.

– Возможно, им понадобился врач, – добавила Элиза. – Может, это вовсе не было арестом. Во всяком случае, Элен, тебя обрадует, что к нам направляются Виктор и еще один английский агент. – (Элен облегченно вздохнула.) – Сегодня Виктор поможет нам переместить немца.

– А Джека?

– С ним пока не решили.

– Ты понимаешь, что теперь, когда немцы забрали Уго, они могут прийти и за мной? Начнут выяснять, что я знаю. Особенно если до них дошли слухи про Томаса или Джека.

Послышался знакомый двукратный стук в дверь. Элиза открыла, впустив Виктора и невысокого жилистого мужчину с черными бровями и серьезным лицом. Виктор представил его как Клода, разведчика УСО. Джек и Клод пожали друг другу руки. Виктор быстро оглядел обоих, словно оценивая их способности. Он был горячим сторонником сопротивления врагам. Идеалист, что чувствовалось по его пылающим темным глазам, он не тратил времени на тех, кто держался в стороне от борьбы. Элен всегда ловила на себе его осуждающие взгляды. Каштановые волосы Виктора были коротко подстрижены, оливковая кожа поблескивала, а под черной одеждой скрывалось сильное, мускулистое тело. Элен видела, с каким восторгом смотрит на него Элиза. При его появлении лицо сестры сразу просияло.

– Думаю, вы и так все понимаете, – сказал Виктор, оглядев собравшихся. – Но я хочу напомнить вам нашу цель – посеять в немцах всеобъемлющий страх.

Собравшиеся выразили свое согласие.

– И с этой целью мы перерезаем их пути сообщения, уничтожаем их запасы, транспорт, оружейные склады. Но помните: наша цель не в том, чтобы убивать одного-двух немцев в разных населенных пунктах. Наша цель – пустить под откос всю их военную машину.

– Хотя в процессе операций мы и можем убить одного-двух немцев, – с излишней горячностью заявила Элиза.

– Каждый или с нами, или против нас, – продолжал Виктор, бросив взгляд на Элен. – Никаких компромиссных вариантов.

Элен нервозно жевала щеку изнутри.

– Этой ночью я заберу вашего дезертира на конспиративную квартиру, – объявил Виктор. – Намечается нечто крупное, и немцам будет не до нас.

– Но ты не причинишь ему вреда? – спросила Флоранс.

Виктор покачал головой:

- Может, он знает что-то полезное для нас. Если нет, поможет составлять листовки на немецком языке, убеждающие вражеских солдат, что они проигрывают войну.
- А Джек? – спросила Элен.
- Пока останется здесь. – Виктор снова покачал головой. – И еще один момент...
- Какой? – насторожилась Элен.
- Нужно, чтобы Элиза пошла со мной.
- Элиза? Зачем?
- Нас должно быть двое. Клоду нельзя светиться, а мои люди заняты в другой операции...

Глава 14

Элиза

Возбужденная Элиза взбежала на второй этаж. Наконец-то она будет участвовать в чем-то более серьезном, чем «почтовый ящик» в кафе. Втайне она уже давно на это надеялась, хотя и ничего не говорила Элен. Элиза надела брюки цвета хаки, серую рубашку и темно-зеленую мужскую куртку, которую Флоранс переделала ей по фигуре. Волосы она убрала под кепку.

– Готова, – прошептала она себе и улыбнулась.

Когда она вернулась на кухню, Флоранс уже успела привести туда Томаса. Элен торопливо собирала нехитрый паек в дорогу: воду, сухофрукты и немного печенья, испеченного младшей сестрой. Мужчины вполголоса переговаривались.

Оказавшись на кухне, Томас, которому предварительно завязали глаза, застыл от ужаса. Джек заговорил с ним по-немецки. Флоранс ободряюще похлопывала его по плечу, убеждая не волноваться. Но парень ее не понимал и дрожал, скрючившись в углу. Джек объяснил ему, куда и зачем его поведут, затем повторил по-французски для собравшихся.

– Может, и мне стоит пойти с вами, – добавил Джек и посмотрел на Виктора, успевшего надеть шлем-маску.

– Вы говорите по-немецки. Это плюс. Но трое сопровождающих – многовато. И потом, вы не знаете местности. Если нам вдруг придется рассредоточиться, тогда...

Виктор опустил уголки рта, давая понять, что не несет ответственности за возможные последствия.

– Вы правы, – пошел на попятную Джек. – Я просто подумал...

– А что будет потом? – спросила Флоранс. – В смысле, с Томасом.

– Своевременный вопрос, – усмехнулся Виктор. – Если мы успешно доставим его до места, он пока останется на конспиративной квартире.

Флоранс нахмурилась:

– Но это может растянуться на долгие месяцы. А дальше, когда война закончится?

– А дальше пусть выворачивается как знает. Дезертиров обычно нигде не жалуют.

Элиза покружилась на месте. С волосами, убранными под кепку, она бы вполне сошла за мужчину.

– Я взяла все необходимое. Не будем терять время. Пошли.

– Прошу тебя, будь осторожна, – Элен поцеловала сестру в обе щеки. – И не рискуй.

Элиза запрокинула голову и посмотрела на потолок, избегая пристального взгляда Элен. Виктор уже рассказал ей про свой план. Чем меньше Элен знает, тем меньше будет волноваться. Зачем ей знать, что их план был гораздо опаснее и перемещение Томаса – только его часть? Элен и не подозревала, что сначала они отправятся в Ла-Рок-Гажак – забрать фальшивые аусвайсы у тамошнего жителя, занимавшегося их изготовлением. Затем повернут назад и проделают пятикилометровый путь до укрепленного городка Дом. Там у немцев аванпост, но там они передадут Томаса провожатому, который и поведет парня на конспиративную квартиру. Там же они заберут мотоцикл Виктора, который ремонтировался после аварии, случившейся неподалеку.

Все трое тихо вышли из дому.

Миновав спящий Сент-Сесиль, они направились на запад, стараясь держаться как можно дальше от дороги и проверяя, нет ли за ними хвоста. Поскольку Томас и понятия не имел, откуда его вывели и где он находится сейчас, ему развязали глаза. К счастью для их плана,

небо затянули облака, почти скрыв луну. Ночь не была холодной, хотя назвать ее теплой тоже было нельзя. В спокойном состоянии Элизе думалось лучше, но стоило ей разволноваться, как мысли превращались в хаотичный поток. Сейчас она удивлялась собственному спокойствию. Они шли гуськом: Виктор впереди, за ним Томас. Она замыкала процессию. Ночная тишина действовала на нее умиротворяюще. Почти на всем протяжении пути единственным звуком был звук их шагов.

И вдруг Томас встал как вкопанный. Его лицо перекосило от ужаса, а глаза забежали по сторонам. Казалось, он и сам готов сбежать. Элизу захлестнуло раздражение. Неужели этот глупец не понимает, что они рискуют жизнью, пытаясь ему помочь? Если бы вместо нее отправился Джек, он бы сумел вправить мозги этому перетрусившему немцу. Неужели Томас решил, что они собираются его убить? Элиза грубо толкнула парня в спину, и они пошли дальше.

Тихие шаги в ночной темноте. Элиза шла, стараясь ни о чем не думать.

Через какое-то время они достигли Ла-Рок-Гажак, средневековой деревушки, притулившейся под известковыми скалами, на самом берегу реки Дордонь. Здесь тоже было тихо. Поскольку деревня находилась между скалами и рекой, обойти ее не представлялось возможным. Они двинулись по спящей главной улице, стараясь держаться в тени. Не пройдя и двух десятков шагов, Элиза заметила впереди три качающихся силуэта. Кто-то шел им навстречу.

– Прижимаемся к стене, – прошипел Виктор. – Немецкие солдаты.

Те шли, болтая и смеясь, но потом один стал озабоченно чесать в затылке, всматриваясь в темноту. Комендантский час начался уже давным-давно, хотя солдат это не касалось.

– Эй! – крикнул солдат. – Кто там ходит?

По голосу его Элиза поняла, что он пьян.

Ситуация вовсе не была безвыходной. Нужно поскорее убраться с узкой главной улицы, тянущейся вдоль реки, а затем бежать по верхним улицам до конца деревни. Но как туда выбраться? Дома стояли впритык, через дворы не пробежишь.

Томас заскулил, явно опасаясь, что его сейчас застрелят на месте.

– Тише ты, – прошипела ему Элиза.

Она попятилась назад, указав на боковую улочку, оставшуюся за спиной.

– Halt! – раздалось спереди. – Nicht bewegen! Halt!²⁰

Они прижались спинами к стене. Виктор схватил Элизу за руку. Она потащила за собой Томаса. Они вывернули на темную, мощенную камнем улочку, чьи дома жались друг к другу под нависающими скалами. Улочка шла вверх. Поскорее бы подняться и выбраться за пределы деревни. Вскоре раздался выстрел. Виктор и Элиза побежали вверх по склону, Томас за ними. Элиза не знала дороги и целиком полагалась на Виктора. Где-то на полпути он свернул на другую улочку. Элиза – следом. Виктор поворачивал то влево, то вправо, прекрасно ориентируясь в темноте. Вскоре он остановился и, тяжело дыша, втащил Элизу в нишу, вырубленную в каменной стене.

– Черт побери, а где Томас? – спросила Элиза, озираясь по сторонам.

– Я думал, он бежит за нами.

Послышался второй выстрел. Затем крик, больше похожий на вопль. И снова выстрел.

– Боже мой! – прошептала Элиза. – Неужели он решил себя выдать? – Ее сердце билось на пределе. – Это было... Думаешь, он мертв?

– Почти уверен, – упрямо ответил Виктор. – Он же не в форме. Солдатам и в голову не пришло, что он немец. Кого они ожидали увидеть? Само собой, партизана, решившего нарушить комендантский час. Всякий бегущий для них партизан.

– А если его не убили? Что, если он расскажет солдатам про нас?

– Говори потише. Нет, Элиза, он мертв.

²⁰ Стоять! Не двигаться! (нем.)

– Но полной уверенности нет. Вдруг он им что-то крикнул по-немецки, а выстрелы были всего лишь предупреждением?

– Мы бы услышали слова. А так мы слышали крик. Точнее, вопль в промежутке между двумя выстрелами. Говорю тебе, он мертв. Забудь ты про этого Томаса.

– Как ты думаешь, они видели, что нас трое?

В этот момент по камням нижних улочек застучали сапоги.

– Идем дальше, – прошептал Виктор. – Я знаю, куда идти. Будем надеяться, что они этого не знают.

Он потащил Элизу по совсем узкому переулку, ведущему к подножию скалы. В самом конце она оступилась и упала. Камешки, задетые ее коленями, шумно покатались вниз по переулку. Сердце Элизы тревожно заколотилось.

– Черт! Как по-твоему, они слышали?

Оба замерли, слушая крики внизу.

– Они слышали, – сказал Виктор, приложив палец к губам.

Теперь он шел впереди. Ступеньками служили борозды, проделанные в скале. Эта опасная лестница вела к крепости троглодитов, как называли систему пещер, вырубленных в здешних скалах.

– Сооружены в двенадцатом веке для противостояния захватчикам с севера Франции, – тихо сказал Виктор. – Поторапливайся.

– Я не хуже тебя знаю историю нашей страны! – возмутилась Элиза. – Будем надеяться, что пещеры убергут нас от нынешних захватчиков.

Они лезли между гнездами ласточек-береговушек и стрижей.

– Сюда, – пройдя еще немного, сказал Виктор.

Элизе вдруг стало страшно. Никакой опоры под ногами – того и гляди сорвешься. А внизу – вооруженные пьяные нацисты.

– Я ничего не вижу, – сердито заявила она.

Виктор спустился и протянул ей руку:

– Тише. Осталось совсем немного. В темноте немцам ни за что нас не найти.

– А ты откуда знаешь про это место?

– Из времен своей растроченной юности, – тихо засмеялся Виктор.

В пещере было сухо. В ноздри ударило зловоние. Должно быть, запах разлагающихся мертвых птиц или каких-нибудь животных. И тем не менее Элиза ликовала. Они сумели перехитрить солдат.

– Мы же были на волосок от гибели, – сказала она, удивляясь звуку собственного голоса.

– Зато неплохо развлеклись, – добавил Виктор.

Элиза была возбуждена. Она наслаждалась пережитым приключением, хотя где-то на задворках сознания маячила мысль о бедняге Томасе, который наверняка мертв. Но если уж на то пошло, он немец, и они сделали все, что в их силах, чтобы ему помочь. Борьбу с врагами они считали своим долгом и делом чести. И в то же время Элиза сознавала: им обоим нравилось возбуждение опасности. Разыскав подходящий выступ, она села и достала из мешка бутылку с водой. Сделав несколько глотков, Элиза протянула бутылку Виктору. Он устроился рядом, обнял ее за плечи и притянул к себе.

– А если серьезно, чем ты тут занимался?

– Обычными ребячьими делами. Ты же знаешь, что привлекает мальчишек. Обстановка дома была так себе, и я часто сбегал от взрослых ссор сюда.

– И что, никогда не водил сюда девчонок?

– Те, с кем я был знаком, ни за что не согласились бы испачкать свои нарядные белые платья или оцарапать руки, карабкаясь по скале. Ты не такая. Быстро откликаешься, не боишься рискнуть. Мне это очень нравится.

– Меня в семье всегда называли мальчишкой-сорванцом, – улыбнулась Элиза. – Вечно в царапинах, вечно в какую-нибудь драку влезу. «У юной леди не бывает ссадин на коленках, – без конца твердила мне мать. – Юная леди не ввязывается в драку, будто уличный оборванец».

Виктор засмеялся и поцеловал ее в щеку:

– А мне очень нравится этот уличный оборванец. Теперь давай попытаемся уснуть.

– Но нам нужно попасть в Дом.

– Утром мы напрямую отправимся на конспиративную квартиру, а через пару дней, на обратном пути, заглянем в Дом.

Тишину пещеры нарушили взрывы где-то вдали. Виктор и Элиза переглянулись.

– Сегодняшние засады удались, – сказал он.

Прошло еще несколько минут.

– Наверное, мне стоит вернуться домой и предупредить сестер.

– О чем?

– Если Томас остался жив, он расскажет немцам о нашем доме, о том, как мы прятали его на чердаке, о Джеке и вообще обо всем.

– Вот уж не думал, что ты такая паникерша.

– Нет, я не паникерша. Я просто тревожусь за сестер. Но... если Томас мертв, от этого тоже мне как-то не по себе. Скажешь, тебя это не шокирует?

– Тебе нужно перестать думать о нем и о сестрах. В любом случае сейчас выбираться из пещеры опасно. Немецкие солдаты все еще могут нас искать.

Однако все мысли Элизы были о страшных последствиях, грозящих сестрам. Если Томас жив, что тогда?

– Ты продолжаешь думать, – упрекнул ее Виктор. – Тебе нужно отдохнуть.

– Прости.

Элен уткнулась ему в шею, наслаждаясь его близостью и запахом – настоящим, как ей казалось, мужским запахом. От Виктора пахло дымом и потом. Эти запахи вовсе не были ей неприятны. Через какое-то время, когда деревня внизу окончательно угомонилась, а ночное небо стало еще темнее, сердце Элизы вернулось к привычному спокойному ритму.

– Они бросили нас искать? – спросила она.

– Думаю, да.

Элиза посмотрела на беззвездное, чернильного цвета небо и закрыла свои уставшие, воспаленные от пыли глаза.

Глава 15

Элен

Той же ночью Элен неожиданно проснулась, и у нее мгновенно свело живот. Она вслушивалась в темноту и вдруг различила отдаленный гул. Гром? Нет. Это что-то взорвалось. Вскоре прозвучал второй взрыв, намного громче первого. Элен он показался оглушающе громким. «Не иначе как Гадес напомнил о себе», – подумала она. А потом и трехглавый Цербер зарычал – страж у врат ада. Чрево мира лопалось по швам, покрываясь трещинами, и люди проваливались в эти трещины, не подозревая, какая участь им уготована. Быть избитым, убитым или похищенным – все зависело от того, как лягут кости судьбы.

Мысли неслись потоком, наскакивая друг на друга. Элен могла лишь молиться, чтобы она и сестры остались живы. Протянув руку, она включила ночник и оглядела комнату. Свет. Слава богу, у них есть электричество. Знакомая обстановка, где каждая вещь находилась на своем месте, отвлекла ее от жутких мыслей. Вот ее книги, туалетные принадлежности, серебряная щетка для волос и ручное зеркало в такой же оправе. Ее картины на стене. Элен села, прижимая к груди подушку.

Вскоре в комнату вбежала бледная Флоранс и забралась к ней в постель. Волосы младшей сестры разметались по плечам, упали на лицо.

– Элиза вернулась? – спросила Элен.

– Я проверяла. Еще нет. Но она и не должна вернуться так скоро.

– Ты права.

Элен закусила губу, удерживая слезы.

– Что с тобой?

Элен отогнала слезы и трянула головой:

– Все в порядке. Конечно, Элиза и не могла вернуться так рано.

– Мне страшно, – дрожа, призналась Флоранс.

– И мне тоже, дорогая. – Элен обняла сестру за плечи и притянула к себе.

В дверь постучали. Сестры, чьи нервы находились на пределе, вздрогнули от неожиданности. Обе молчали. Дверь приоткрылась, и в нее просунулась голова Джека. В руке он держал масляную лампу.

– Как вы тут?

Элен смотрела на его длинную тень, протянувшуюся по полу почти до самой кровати.

– Вам лучше вернуться на чердак, – сказала она Джеку. – Так безопаснее и для вас, и для нас.

Джек вздохнул. Едва Элиза и Виктор увели Томаса, англичанина сразу же переместили на чердак. Чувствовалось, переезд был ему совсем не по нраву.

– Хотите еще одеяло? – предложила Элен. – Конечно, если вам холодно.

Джек изобразил притворное отчаяние, затем фривольно ей подмигнул:

– Холодно и одиноко. У вас не найдется местечко для такого малыша, как я?

– Очень смешно.

Элен выбралась из постели и протопала в коридор – туда, где в высоком шкафу хранилось постельное белье. Взявшись за ручку дверцы, она почувствовала на плече руку Джека. Тепло от его ладони разлилось по всему телу. Теплое дыхание согрело ей шею. Ей отчаянно захотелось прижаться к нему, позволить себя обнять и ощутить успокоительное присутствие мужчины, как это было когда-то рядом с Жюльеном. Но вместо этого Элен резко отстранилась.

– Вот. – Она быстро открыла шкаф и сунула ему в руки старое одеяло, стараясь не показывать, что вся дрожит.

– Что-то не так? – спросил Джек.

Элен покачала головой и опустила глаза.

– Просто у меня нервы на пределе, – ответила она и поспешила обратно в комнату.

Вернувшись в постель, Элен думала о Джеке. Потом ее мысли переместились на то, чем занимались Виктор, Элиза и другие партизаны. Какими грозными противниками они стали для немцев. И все равно она кусала ногти, а тревога за Элизу червем прогрызала живот. После того как местные евреи бежали или были схвачены и увезены неведомо куда, оккупационные власти и их сообщники переключились на охоту за партизанами-коммунистами. Особенно в этом усердствовала Milice, как теперь называли французскую полицию. Они допрашивали родственников подозреваемых, хватали и пытали друзей и знакомых, вели неусыпное наблюдение и просачивались в партизанские группы.

Milice была повсюду. Возникнув как военизированная структура правительства Виши, к концу 1943 года она стала общенациональной военной силой, специализирующейся на поимке и пытках résistants²¹. Они были даже опаснее немцев, поскольку превосходно знали местность и местные особенности. Сама их форма наводила ужас: черные куртки и брюки, черные береты и высокие черные сапоги. Молодчики из Milice отличались безжалостностью. Их боялись повсюду. К счастью, партизаны вновь набирали силу. И они тоже прекрасно знали окрестные леса и долины, внезапно появляясь и так же внезапно исчезая. Нынче многие жители Сент-Сесиль были на стороне Сопrotивления. Большая часть Перигора – тоже, хотя всегда находились и противники. К тому же само Сопrotивление не было однородным. Туда входили разные фракции. Самой крупной в здешних местах была FTP – фракция бойцов-коммунистов. Следом за ними шли маки, возглавляемые Виктором. Были и другие группы, включая и те, что поддерживали Шарля де Голля – руководителя «Сражающейся Франции», чья штаб-квартира находилась в Лондоне. Несмотря на внутренние разногласия, все фракции и группы объединяла борьба против фашизма.

Элен не спалось. Близился рассвет. Вдали прогремело еще несколько взрывов, за которыми последовали автоматные очереди. Слушая ровное дыхание Флоранс, Элен радовалась, что сестра сумела заснуть.

Она думала о том, как война изменила жизнь каждой из них, и молила Бога, чтобы Уго не пострадал. До войны Виши был просто курортным городком в сердце Центрального массива. Обосновавшееся там коллаборационистское французское правительство поначалу имело немало сторонников. «Поддерживать маршала Петена – наш долг». Этот лозунг звучал на улицах и в кафе. Помнится, тогда и она считала такую позицию разумной и правильной.

Когда же она поняла, что вишистское правительство не поддержало сопротивляющуюся Англию и хотело всего-навсего выйти из войны, это потрясло ее до глубины души. Элен поняла: Петену и его свите наплевать на Англию; они не верили, что Англия преуспеет там, где проиграли они. После этого она полностью пересмотрела свои взгляды и перестала поддерживать режим Виши и самого Петена.

С тех пор, прибираясь в доме, Элен неизменно напевала «Англия будет всегда» – патристическую песню, появившуюся летом 1939 года и ставшую очень популярной. Это поддерживало ее душевные силы. Элен ужасало то, с какой легкостью Франция оказалась во власти англофобии и антисемитизма. Вот еще одно доказательство порочности политики Виши. Если до этого расовые предубеждения против евреев более или менее сдерживались или подавлялись, ненависть в людских сердцах никуда не делась.

²¹ Участники, борцы Сопrotивления (фр.).

Французская и немецкая пропаганда умело делала свое дело. Достаточно было нескольких инцидентов в разных частях страны, чтобы все сдерживаемое и подавляемое выплеснулось наружу. Евреев объявили злыми, вселяющими страх. Отныне на них требовалось доносить. И на них доносили, причем даже их соседи-французы и так называемые друзья. Поднималось самое худшее, что было в человеческой природе, и Элен испытывала стыд за свою страну. Но постепенно у людей начали открываться глаза, и по мере успехов сил Сопротивления настроение в обществе менялось. Началось это с молодежи. Более искренние и динамичные, не задвленные осторожностью и страхом старших поколений, многие молодые люди примкнули к партизанам. Иные из них нынче руководили партизанскими отрядами.

Элен ворочалась в постели. Ей отчаянно хотелось заснуть, но мешали мысли, которые вновь вернулись к Джеку. Он не имел права подробно рассказывать о себе, но Элиза считала, что он будет поддерживать связь с маки и другими разведчиками УСО, координируя диверсии на путях сообщения, в особенности на железных дорогах. Иными словами, ко времени подхода союзников Дордонь должна стать для немецкой армии непроходимой.

Элен хотелось, чтобы Джек подольше задержался в их доме. Ее желание простиралось и дальше. Она мечтала о близости с ним, желая получить от него все, что женщина может получить от мужчины. Но такое невозможно. Вскоре он покинет их дом. И она наверняка больше его не увидит. Свое влечение нужно запихнуть подальше.

Глава 16

На рассвете, когда Элен едва забылась тревожным сном, ее разбудил настойчивый стук во входную дверь. По двери буквально барабанили. Боже, неужели Элизу схватили?! От страха за сестру у Элен бешено заколотилось сердце. Взяв халат, она выскочила в коридор. Прежде чем спуститься, она взглянула на чердачный люк: тот был приоткрыт. Элен велела Джеку немедленно закрыть люк, залезть в сундук и замаскироваться одеялами.

Из комнаты выскочила заспанная Флоранс:

– Что случилось? Неужели беда с Элизой?

– Оставайся здесь. Я спущусь и узнаю.

Сбежав по лестнице и открыв дверь, она увидела Мари.

– К нам в клинику привезли раненых, – изменившимся от страха голосом сообщила Мари. – Ты нужна там, и чем скорее, тем лучше.

– Ночью я слышала взрывы. – Элен сжала руку Мари. – Обождите здесь. Я сейчас оденусь.

Она побежала наверх и, торопливо одеваясь, рассказала Флоранс о случившемся.

На всем пути к врачебному кабинету в воздухе ощущался едкий запах дыма. Мари шепотом сообщила, что партизаны взорвали мост через один из притоков в долине реки Сеу, предварительно ослабив опору моста. Когда два грузовика с немецкими солдатами попытались пересечь мост, он обвалился, и машины полетели в реку. Но еще до взрыва часть солдат спрыгнула с грузовиков.

– Но я слышала много взрывов, – сказала Элен.

– Те были на оружейном складе. Партизаны намеренно их устроили, чтобы заставить немецкий конвой отправиться на место взрыва и пересечь мост.

Входная дверь кабинета была открыта настежь. Вокруг собралась небольшая толпа. Элен промчалась по коридору в примыкающее здание, служившее Уго больничным стационаром. Поначалу она не понимала, кого привезли – немцев или французов. Но все, чьи голоса она слышала, говорили по-немецки. Элен осмотрела шестерых пострадавших, густо покрытых кровью. Чудо, что никто не погиб. Она попросила Мари принести одеяла, а сама сосредоточилась на раненом капитане. Тому срочно требовалась помощь врача.

Позвав Мари, Элен обрисовала положение. Нужно, чтобы кто-нибудь из солдат, толпящихся у входа, как можно скорее отправился в шато и привез Уго.

– Пусть скажет своим командирам, что капитан истекает кровью. Если доктор не окажет ему срочную помощь, он умрет.

Послышался стрекот мотоцикла, помчавшегося в шато. Элен делала все, что в ее силах, чтобы остановить кровь, а ее сердце билось так, что ударяло в ребра. Желая выволить Уго, она намеренно преувеличила опасность кровопотери, однако сейчас капитан терял не только кровь, но и сознание. Она обхватила его лицо.

– Не отключайтесь, – приказала она. – Оставайтесь со мной!

Его веки дрогнули. Мутные голубые глаза уставились на Элен.

– Все в порядке, – добавила она. – Я вам помогу. Я уже послала за врачом.

Одной рукой Элен отвела ему волосы со лба, другой плотно прижала салфетку к ране, чтобы сдерживать вытекавшую кровь. Казалось бы, какое ей дело до жизни немца и к тому же нациста? Но сейчас она была медсестрой, оказывающей помощь пациенту. И потом, если бы атака партизан закончилась гибелью хотя бы одного солдата, местные жители испытали бы на себе все ужасы возмездия. А оно было бы скорым и жестоким. Еще в 1941 году фельд-маршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного командования вермахта, издал приказ: за каждого убитого немецкого солдата казнить от пятидесяти до ста коммунистов. Приказ этот вызвал волну протестов, когда выяснилось, что многие казненные вообще не были ком-

мунистами. Убийство солдата не на поле сражения – это злодеяние, но оно не должно влечь за собой столь чудовищные ответные меры. Так считали все в окружении Элен. Оставалось лишь гадать, связаны ли руки у вишистского правительства, или же, наоборот, администрация Петена активно участвовала в этих жутких репрессиях. В дальнейшем приказ был пересмотрен в сторону уменьшения числа ответных жертв. Теперь казнили только десятерых, но и это ужасало.

Моля Бога, чтобы в шато откликнулись на ее просьбу и побыстрее вернули Уго, Элен продолжала успокаивать немецкого капитана, постоянно терявшего сознание. В ход шли все известные ей способы: нюхательная соль, похлопывание по щекам и, конечно же, разговор. Шепотом она твердила, что с ним все будет хорошо. Привычную тишину маленькой больницы нарушали стоны других раненых, хотя Элен чувствовала: большинство их ранений не представляли угрозы для жизни.

Увидев вошедшего Уго, она облегченно вздохнула и вскочила на ноги, но тут же замерла, заметив, в каком он состоянии. Перепачканное лицо, спутанные волосы, синие круги под глазами – все говорило о том, что он измотан физически и морально. Элен была не в силах скрыть отчаяние. Но Уго лишь прищурил глаза, предостерегая ее от вопросов:

– Выглядит хуже, чем есть на самом деле. Я просто устал, и только.

Элен не поверила, но вняла предостережению.

Уго, не мешкая, подошел к раненому капитану:

– Это и есть пациент, нуждающийся в срочной помощи?

Целый час Уго занимался только капитаном. Он остановил кровотечение, промыл рану и наложил швы. Затем ввел немцу морфий и решил оставить капитана в больнице, а не везти по ухабистой дороге в Сарла. Элен стала возражать, говоря, что в тамошней больнице условия лучше, однако Уго поднял руку, прервав ее возражения.

– Я пока не уверен, выживет ли он вообще, – тихо сказал ей доктор.

Элен вызвалась дежурить у койки капитана, пока Уго занимается другими ранеными. Нужно принять неизбежное: вчерашние действия партизан не останутся без возмездия, но если капитан выживет, карательные меры будут менее жестокими. Деятельность партизан всегда была обоюдоострым мечом, и операции вблизи родных мест не столько восхищали, сколько пугали население.

Воспользовавшись паузой, Элен вновь попыталась расспросить Уго, но врач лишь покачал головой. Изможденное лицо и горестные серые глаза были красноречивее слов. Его состояние передалось Элен. Желая его утешить, она протянула руку, и Уго крепко ее сжал. Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга. Элен была в полной растерянности, не зная, как его поддержать. К концу дня состояние раненого капитана все еще внушало опасения. Уго попытался отправить Элен домой. Она стала возражать. Он повторил свое требование.

– Уго, послушайте. Вам нужно выспаться, – сказала она, глядя в его воспаленные, покрасневшие глаза.

– Мы с Мари управимся вдвоем. Иди домой.

– Я хочу остаться.

Оба замолчали. Молчание было долгим и тягостным. Элен колебалась. Ей по-прежнему хотелось остаться, хотя интуитивно она чувствовала: Уго сказал ей не все. Когда он заговорил снова, его голос звучал предельно серьезно. Она не помнила, чтобы он говорил таким голосом.

– Элен, если я не спасу капитана, они казнят Мари. Я должен заниматься этим один.

Элен тихо вскрикнула:

– Тем более... я должна остаться. Разве не так?

– Нет. Я все сказал.

Она бы охотно осталась ему помогать, но усталость беспокойного дня взяла свое. Когда Уго практически вытолкнул ее за дверь, Элен сдалась и пошла домой, ощущая боль в груди и тяжесть на сердце.

Глава 17

Через полчаса Элен была уже дома. Поднявшись на чердак, она уселась по-турецки рядом с Джеком. Со слезами на глазах она рассказала англичанину о ситуации в клинике и о том, что грозит Уго, если он не сумеет спасти жизнь капитана.

– Вам нужно чем-то отвлечься от тягостных мыслей, – сказал Джек.

– Не знаю чем. Сейчас я могу думать только об Уго и о Мари. Мне делается дурно при мысли, что с ними будет. – Она стиснула зубы и сжала кулаки. – Ну почему Элиза и Виктор никогда не думают о последствиях?

Она чувствовала, с каким вниманием Джек смотрит на нее, и вновь ощутила некую искру, проскочившую между ними. Как это назвать? Состраданием? Сопереживанием? Непроизнесенные слова рвались, но не могли прорваться наружу. Джек не отводил глаз, подмечал все в ее состоянии, и под его пристальным взглядом защитные барьеры, возведенные Элен, зашатались.

– Элен, это война, – наконец сказал он и отставил масляную лампу, мешавшую ему подвигаться.

– Я тревожусь не только за сестру. Меня пугают ответные карательные меры немцев.

Теперь лицо Джека скрывалось в сумраке. Элен было не угадать, о чем он думает, и это ее смущало. Она видела лишь блеск его глаз и не знала, видны ли ему ее глаза и лицо.

– Так будет лучше, – сказала она, переставив лампу на ящик.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Джек.

– Не знаю. Хочется сохранить присутствие духа, но иногда... – Не договорив, она покачала головой.

– Знаю.

– Эти нескончаемые опасности. Я жажду нормальной жизни. Я так тревожусь за безопасность дорогих мне людей, что ощущаю физическую боль. Вот здесь. – Она прижала ладонь к груди, глотнула воздуха и протяжно вздохнула. – И настроение у меня совсем паршивое.

– Ничего удивительного, если сознавать, какая опасность нависла над врачом и его женой. Они же ваши друзья.

Элен закусила губу, удерживая слезы. Ей не хотелось расплакаться перед Джеком.

– Уго я обязана всем, – сказала она, чувствуя, как слова застревают в горле. – И Мари тоже.

– В любом случае, когда мы не знаем, что принесет завтрашний день, невольно ощущаешь собственное бессилие.

– Но вы-то не чувствуете себя бессильным.

– Еще как чувствую, – усмехнулся Джек. – И сражаюсь с этим ощущением.

– Как?

Джек прищурился и ненадолго погрузился в раздумье, после чего вдруг улыбнулся и спросил:

– У вас найдется колода карт?

– Конечно. Сейчас принесу.

Когда Элен разыскала карты и принесла на чердак, Джек успел разложить свою колоду.

– Игра называется «Вертикальный взлет», – сказал он. – Она имитирует воздушное сражение. Вам нужно атаковать самолет противника.

Элен старалась изо всех сил, но ее умение играть в карты оставляло желать лучшего. Несмотря на постоянные подсказки Джека, она теряла самолет за самолетом.

– Попробую еще раз, – сказала она.

Кончилось тем, что оба крепились, чтобы не засмеяться над ее неумелыми ходами. Когда Джек улыбался, его лицо становилось особо притягательным; менялись черты лица, а глаза

вспыхивали. Элен испытала мгновение счастья и напомнила себе, что даже в самые худшие времена выдаются минуты безмятежного покоя.

- Рад, что вы не летаете на наших самолетах, – признался Джек.
- Меня больше привлекает складывание головоломок.
- Вот оно что, – улыбнулся он. – Совсем как мою мать.
- Я похожа на вашу мать? – удивилась Элен.
- Возможно. Вы заботитесь обо всех. Моя старая ма всегда так делала.
- Делала?

Элен не знала, стоит ли спрашивать.

Он покачал головой.

- Простите.
- Печальная неизбежность. Хотя я постоянно вспоминаю о ней.
- Вспоминаете, как она заботилась о вас?
- Да.

– Спасибо, что отвлекли меня от мыслей, – сказала Элен и вдруг почувствовала себя виноватой за эти минуты отдыха.

Он поцеловал ей руку, пощекотав кожу усами:

- Всегда готов помочь.
- Вы мне так и не рассказали, чем занимались во Франции в прошлый раз.

– Я был здесь в конце прошлого года и захватил начало этого. Холода стояли просто зверские. Как вам известно, авиация союзников постоянно бомбила французские железные дороги. Операция называлась «План перевозок» и ставила своей целью разрушение узловых станций, чтобы отсрочить, замедлить и помешать передвижению немецких войск по Франции. Вот так.

– Мы слышали об этом по Radio Londres.

– Вряд ли вы знаете, что высшие авиационные чины противились этой операции. У нас это Харрис из Командования бомбардировочной авиации, в американских ВВС Спаатс. Черчилль тоже возражал, в основном из-за жертв среди гражданского населения. Однако Эйзенхауэр и президент Рузвельт сломили сопротивление их всех.

– А теперь?

– Как я уже говорил, меня забросили для подготовки операций и еще для связи с группами Сопротивления. – Он помолчал. – Рассказывать о том, где и когда, я, конечно же, не могу. Полагаю, здешнее население знает, чем занимается Сопротивление, а немцы отнюдь не дураки. Сам факт знакомства со мной может повлечь ваш арест и пытки.

– Возможно. Но сейчас я не хочу об этом думать.

– Понимаю.

– Значит, до высадки союзников осталось совсем немного?

– Да. Но я также думаю, что нас еще ждут интенсивные бомбардировки.

– Даже не верится, что однажды все это закончится. – Элен вздохнула и передвинулась. – Простите, у меня ноги сводит от долгого сидения. Нужно подвигаться. Схожу вниз, посмотрю, не приготовила ли Флоранс чего-нибудь пожевать.

– Флоранс – замечательная девушка.

Элен тепло улыбнулась:

– Да, она удивительное создание. Даже не представляю, как бы мы выжили без нее.

Джек наклонил голову и весело посмотрел на Элен:

– Что-то мне подсказывает, что вы нашли бы способ.

– Может, и нашли бы, но мы бы жутко отощали. Я и в довоенное время готовила скверно. А Флоранс у нас кулинарный гений, даже когда в ее распоряжении лишь репа и топинамбур. –

Элен похлопала себя по животу. – И наши животы от такой пищи раздуваются сильнее, чем раньше.

– Спасибо за предупреждение, – засмеялся Джек.

Спустившись на кухню, Элен увидела Флоранс, что-то бормочущую себе под нос.

– Что случилось? – спросила Элен.

– Ничего. Жаль, что нет ни крошки Roquefort или Fourme d'Ambert²². Они бы придали пикантный вкус.

– Значит, сегодня мы отдыхаем от тушеной репы?

– Сегодня у нас картофельный суп с брокколи.

Взяв перечную мельницу, Флоранс покрутила ручку над кастрюлей с супом, после чего сняла ее с плиты.

– Элиза так и не появлялась? – спросила Элен, стараясь говорить спокойно.

Флоранс покачала головой. Некоторое время сестры смотрели друг на друга.

– Ты не отнесешь Джеку тарелку супа? – предложила Элен, поменяв тему.

– А можно? Я с удовольствием. Замечательный мужчина. Такой обаятельный.

– Говоришь, обаятельный? Я не замечала.

– Еще как замечала! – усмехнулась Флоранс. – Мы все заметили. Даже Элиза, которая обычно не видит никого, кроме Виктора. По мне, так Виктор слишком напористый. А вот Джек... У него такой дружелюбный взгляд. Мне нравится.

Услышанное несколько удивило Элен. Она даже нахмурилась:

– А как тот парень, с которым ты встречалась?

Флоранс поморщилась, но быстро взяла себя в руки.

– Ты про Энцо спрашиваешь? Я с ним не встречалась. Слабый он из-за полиомиелита. Отпор дать не может. Над ним смеются. Я его просто пожалела. Прогулялась с ним пару раз, так он теперь не оставляет меня в покое. Наверное, ты видела, как он топчется у наших ворот.

– Тебе это мешает? Я могу с ним поговорить.

– Я и сама справлюсь. Рано или поздно он поймет намек.

– Так тот высокий парень с курчавыми каштановыми волосами и есть Энцо? Я не ошиблась?

– Он самый. Курчавые волосы. Смазливый, но умом не отличается... Ладно, понесу-ка я суп. – Флоранс налила суп в миску с ручками. – Надеюсь, не расплецу. Наливай себе.

– Напомни Джеку, чтобы не очень ходил по чердаку. Там половицы скрипят.

Элен уселась за стол. Перед мысленным взором замелькали картины, которые она предпочла бы не видеть. Она изо всех сил гнала ужас, охвативший ее сердце.

– У Уго и Мари все будет хорошо, – шепотом твердила себе она. – У них все будет хорошо.

А у Элизы? Глаза Элен обожгло. Закрыв их, она принялась тереть веки. И у Элизы тоже все будет хорошо. Она благополучно вернется.

Элен подумала о словах Флоранс. Элен и в голову не приходило, что младшая сестра тоже может залипнуть на Джека. Она по привычке считала Флоранс ребенком, а та уже давно не ребенок. Флоранс незаметно превратилась в красивую молодую женщину.

²² Рокфор, фурм д'амбер (сорта сыра) (*фр.*).

Глава 18

Флоранс

Ночью Флоранс никак не могла уснуть. Мешало острое чувство вины. Это ведь она настояла, чтобы Томаса спрятали в их доме, и тем самым вынудила сестер рисковать. Беспокойство не улеглось в ней и сейчас, когда она одна бродила по лесу, не находя утешения. В детстве сестры часто не брали ее в свои игры, и тогда желанным спутником для нее становилось воображение. Ее волшебный внутренний мир служил утешением и дарил радость, однако сейчас туда все настойчивее вламывалась реальность. Долго ли еще она сможет сохранять веру в доброту мира, когда вокруг творится столько зла? Раненые солдаты, ночные взрывы, Элиза, которая принимала все большее участие в делах Сопротивления и которая до сих пор не вернулась. Флоранс уже не знала, что и думать.

Но хорошее и плохое есть в каждом человеке. Нацисты были причиной стольких бед. Они запугивали местных жителей, заставляя подчиняться, однако внешнее подчинение еще не означало, что все с ними соглашались. Флоранс свернула с дорожки и пошла вдоль луга, где по краю росли белесые кусты молочая, затем двинулась через высокую траву к полянке для пикников. Сегодня в лесу стояла какая-то особенная тишина, нарушаемая лишь ее шагами и легким шелестом листвы на ветру. С тех пор как они здесь поселились, Флоранс любила это пятнистое пространство в самом сердце леса; особенно летом, когда в жару оно дарило прохладу. Но даже зимой, когда холод сковывал землю, а под ногами хрустели покрытые инеем травы, полянка восстанавливала ей силы. Флоранс ощущала, что слышит духов деревьев. Она стала вслушиваться, но ничего не услышала. Флоранс сделала вторую попытку, и снова неудача. Это ее опечалило. С началом войны слишком многое ушло. И вдруг где-то закуковала одинокая кукушка. Флоранс огляделась по сторонам. А лес, тоже услышав кукование, стал отвечать. Заскрипели и затрещали ветви, еще громче зашелестели травы, с ветки на ветку запорхали дятлы и дрозды. Флоранс подняла голову и подставила лицо солнцу, льющемуся в просветы между листвой. Она негромко запела, глядя себе под ноги, стараясь не наступать на цветы; в особенности на розово-пурпурные дикие орхидеи, росшие только в глубине леса. Разум и тело Флоранс немного расслабились, и внутри появился небольшой пузырь счастья. Раскинув руки, Флоранс закружилась на месте. Так продолжалось, пока не закружилась голова, и ее начало качать. Тогда-то она и увидела молодого человека, наблюдавшего за ней из-под деревьев.

– Антон? Вот уж не ожидала снова вас увидеть.

– Здравствуйте, Флоранс. – Он подошел к ней и протянул руку, помогая ей удержаться на ногах. – Решил вот прогуляться.

Интересно, много ли он знал о жизни ее и сестер? Флоранс стало зябко от страха. Нет, Антон никак не мог знать про Томаса и Джека.

Но парень смотрел в сторону. Наверное, и ему хватало своих сложностей. Шумно сглотив, Антон вновь повернул голову к Флоранс:

– Я знаю, времена сейчас трудные.

– Трудные? – усмехнулась она. – Это еще мягко сказано.

Он провел ладонью по своим коротким светлым волосам. Вид у него был крайне смущенный.

– Простите меня, пожалуйста. Я сказал не подумав. Видите ли, я имел в виду... словом, когда мы случайно встретились опять... может, вы составите мне компанию на прогулке к реке?

– Вы предлагаете дружить, невзирая на войну?

Антон посмотрел на нее ясными синими глазами и молча кивнул. Оценив его скромность и искренность, Флоранс согласилась.

Он так по-детски обрадовался, что этот молчаливый ответ согрел ей сердце.

– Вы даже не представляете, как я счастлив. Спасибо. – Он поднял с травы рюкзак. – Я захватил пиво и багет.

– С сыром?

– Конечно.

– Как же вы успели так хорошо узнать мои вкусы... Антон? – помолчав, спросила она.

– Да, Флоранс.

– Сколько вам лет? Вначале вы мне показались старше. А сейчас я думаю, мы с вами ровесники.

– Мне двадцать.

– В таком случае я на два года старше вас, – улыбнулась Флоранс.

– Это имеет значение?

– Нет, конечно. Значит, мы друзья?

Чувствовалось, Антон обрадовался. Его щеки слегка покраснели. Через несколько минут выражение его лица стало предельно серьезным.

– Я хочу извиниться.

– Вы уже извинялись.

– Нет. Я хочу... – Он подыскивал слова, глядя то себе под ноги, то вверх. Наконец его взгляд остановился на Флоранс. – Я хочу извиниться за то, что мои соотечественники сделали и делают с вашей страной.

– Ох, Антон, – только и могла произнести она, закусывая губу.

– Я оказался здесь не по собственному выбору. Поскольку помимо родного немецкого я хорошо владею французским и английским, военное начальство решило, что я им полезнее как переводчик. Я вовсе не трус, но я бы не смог взять в руки оружие и воевать за Рейх. Надеюсь, вы это оцените.

– Я вас понимаю.

Они ненадолго замолчали.

– Вы живете с сестрами? – спросил Антон.

– Откуда вы знаете?

– Вы мне говорили в нашу первую встречу. Правда, не сказали, сколько у вас сестер. Мне представляется, у вас их целый выводок и все блондинки, как вы.

Говорить ему или нет?

– У меня всего две сестры, – после недолгого колебания сказала Флоранс. – Элен и Элиза. Но светлые волосы только у меня. Элен работает медсестрой, а у Элизы свое кафе. Мы все очень отличаемся. Сестры зовут меня маленькой ведьмой.

– А вы себя ощущаете ею?

– Маленькой ведьмой?

Его глаза сверкнули.

– Возможно.

– Раз мы заговорили об этом, я всегда был равнодушен к ведьмам.

Флоранс засмеялась. Антон тоже засмеялся, и на мгновение – быть может, всего на мгновение – она забыла обо всех тревогах и просто наслаждалась обществом этого парня. Такие моменты, когда люди поднимались над ужасами войны, когда в них ощущалась простая объ-

единяющая человечность... такие моменты восстанавливали ее веру. Она не вправе забывать, что любовь сильнее страха, сильнее ненависти и разделения.

– Я очень рада, что мы вот так познакомились. – Флоранс протянула ему руку.

– Тогда давайте прогуляемся по реке. Не знаю, можно ли нанять габару, если вам нравится кататься по воде. Но мы все-таки поспрашиваем, и, быть может, в понедельник нам повезет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.